

ИМПЕРАТОРСКІЙ ТОМСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Имѣю честь поздравить Васъ съ
Великаторжественнымъ праздникомъ

СВѢТЛО ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНІЯ,

искреннѣйше желаю Вамъ провести его
и встрѣтить многіе будущіе въ добромъ
здоровьи и совершенномъ благополучіи.

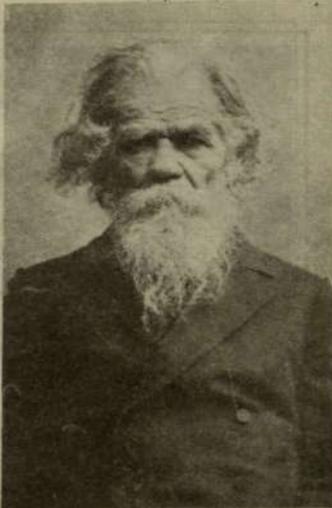
ТРОИЦКІЙ КАБЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ВЪ ТОМСКѢ

ТОМСКАА
СТАРИНА

№2 (4), 1992

ТОМСКАЯ СТАРИНА

ИЗДАНИЕ м.п. "ОБРАЗ" ТОМСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ



„Я ПРИГЛАШАЮ
ВАС
СВОБОДНО
ВЫСКАЗАТЬСЯ..
В СВЯЗИ
С СУДЬБАМИ
НАШЕЙ
СИБИРИ“

Г. Н. Потанин

ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОМЕРА:

- „ТОМСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ“ стр.5
В.ЗИНОВЬЕВ. „КЕРЕВСКОЕ-КАТОРЖНОЕ
СЕЛО“ стр.6
В.ЮШКОВСКИЙ. „КАК ВСКОЛЫБАЛАСЯ ЧЕРНЬ
НА БОЯР“ стр.8
С.ВАВИЛОВ. „ГАРМОНИЯ ФЕДОРА
КОКОВИХИНА“ стр. 10
В.СКУБНЕВСКИЙ. „БЫЛАЯ СЛАВА
СИБИРСКОГО МАСЛА“ стр.12 ✓
В.СУЗДАЛЬСКИЙ. „ВЫПАЛИ ИЗ ГНЕЗДА“ стр.16
В.АНТИПОВА. К 40-ЛЕТИЮ ТИСИ стр. 18
Е.ЯСТРЕБОВ. „О ВАСИЛИИ МАРКОВИЧА
ФЛОРИНСКОМ“ стр. 20
В.МАРЬИН. „...ВАША „ШАЛЯПИНСКАЯ“
БАБУШКА“ стр. 24
Г.МУРЫГИН. К 100-ЛЕТИЮ НОВОСИБИРСКА стр. 28
Э.МАЙДАНЮК. „ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ
ТЮМЕНЦЕВ“ стр. 30
А.КАЗАНЦЕВ. „ХВАТИТ ЗАНИМАТЬСЯ
ПОЛИТИКОЙ!“ стр. 34
А.КРЫЛОВ. ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ „12 КРУЖЕК“ стр. 36
Б.КЛИМЫЧЕВ. „МАСТЕРА ПЕРВОЙ РУКИ“ стр.38
Л.ГАРТУНГ. РАССКАЗ. стр. 42
ПОЭЗИЯ. стр. 43,45
А.РУБАН. МНЕНИЯ. стр. 44
В.МАКШЕЕВ. РАССКАЗ. стр. 46



СИМВОЛИКА



Весенний праздник Пасхи в давние времена совпал с празднованием Нового года и нового урожая (для Египта и других стран Ближнего Востока с их теплым климатом в этом нет ничего удивительного). Постепенно слово "пасха" утрачивает свой первоначальный смысл (по Библии это прохождение ангела смерти мимо домов еврейских в одну памятную ночь) и приобретает новое содержание - праздник обновления, возрождения.

Обыденное в нашей жизни зачастую соседствует с необыкновенным: вот зерно кладут в землю, как бы хоронят его, а оно прорастает новой жизнью, новыми зернами. Египтяне связывали это чудо с именем бога Осириса, позже, уже в Гре-

ции, идея возрождения изложена в легенде о воскрешении Адониса, и, наконец, очень логично в праздник возрождения вписалась история Иисуса Христа, замученного на кресте, и затем чудесно воскресшего.

Первой со словами "Христос воскрес!" оповещает римского императора Тиверия Мария Магдалина и вручает ему куриное яйцо — символ новой жизни, символ возрождения. Отсюда берет свое начало пасхальная традиция - вместе с поздравлениями одаривать яйцом, причем окрашенным в красный цвет - в память о жертвенном агнце, заколотом в ночь исхода евреев из Египта.

Зелень, первые цветы, украшающие праздник Пасхи -



ПАСХАЛЬНЫХ ОТКРЫТОК



традиция, унаследованная славянами от греческих "садиков Адониса" - специально проращиваемой к этому дню зеленой травки (обычно высаживается в тарелки овес).

Позже родился обычай расписывать пасхальные яйца сложными рисунками, орнаментами, и в каждом регионе складывались на этот счет свой стиль, своя школа, в целом же сформировалось

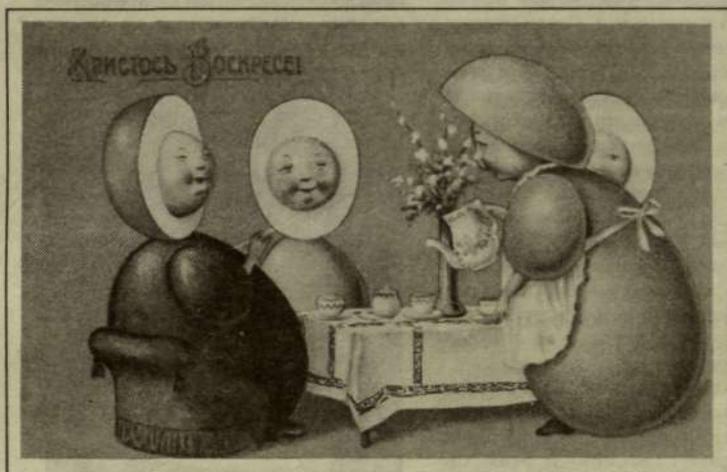
вполне определенное направление в декоративно-прикладном искусстве.

И еще одна красивая традиция связана с праздником Пасхи: в этот день в Иерусалим стекаются верующие и неверующие люди со всего мира, люди разных национальностей, разных религий, объединенные одним желанием - пройти скорбный путь, которым шел на Голгофу Хри-

стос, добровольно принявший на себя страдания всего человечества.

Таким образом, Пасха - праздник весны и обновления, праздник всеобщей любви и добрых человеческих отношений, что и отражено в таких же добрых пасхальных открытках.

Эдуард МАЙДАНЮК



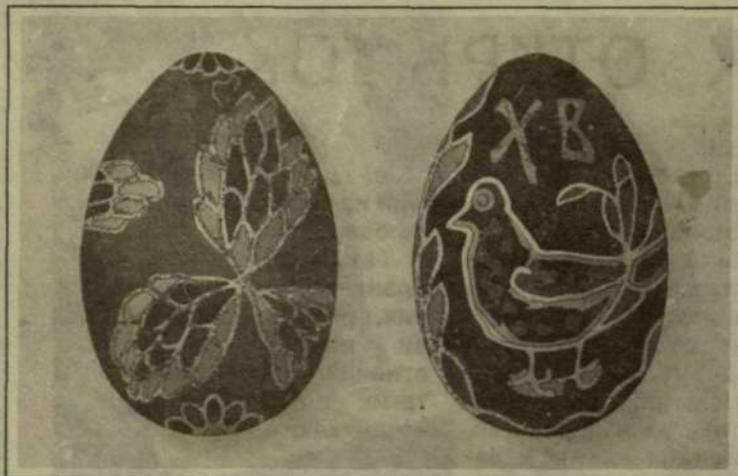
ДАТА Светлого Христова воскресенья - Пасха - относится к подвижной части календаря и высчитывается отдельно на каждый год: в первое воскресенье после первого весеннего новолуния. В 1992 году она будет 26 апреля. В крупных селениях, где была церковь, не было необходимости каждому человеку уметь высчитывать сроки Великого поста, Пасхи, Троицы, которые относятся к подвижной части календаря. А вот в маленьких, уединенных селениях, которых было немало на широких просторах Томского края, главы семейств сами хранили традиции ориентации во времени, чтобы, не дай Бог, не сделать будничную работу в великий праздник. Были и свои знатоки календаря, у которых спрашивали: долгий ли мясоед и когда загонять? У старообрядцев подвижная часть календаря - праздники "не в числе" определялись по "руке Дамаскина", изображенной в книге "Церковное око". На каждом суставе руки были зашифрованы буквы, начиная с мизинца, и по ним знатоки высчитывали сроки мясоеда и Пасхи.

ПАСХА

Пасха - один из любимых народных праздников, который в каком-то виде сохранялся, несмотря на забвение многих народных традиций, вплоть до современности. Этот праздник особо почитался, вероятно, и потому, что приходился на дни весеннего пробуждения природы - апрель, май. Именно в это время года бывает такое особое состояние атмосферы, как расходящиеся круги вокруг солнца. В народе это называли - "солнце играет, радуясь Христо-

ву воскресению". Рано утром многие старались посмотреть, как играет солнце на восходе, даже взбирались для этого на крыши домов. По приметам, на Пасху бывает обычно ясный солнечный день, и даже в пасмурную погоду солнце, хоть на минутку, да выглянет из-за туч.

Пасха праздновалась целую неделю, которая называлась Светлой. Работать в эту неделю считалось большим грехом: даже пеленки молодые мамы старались сполоснуть тайком, чтобы никто не видел и не осудил. В церковь и всю неделю старались надеть самую яркую, нарядную одежду, которую хранили в сундуках специально к этому дню. У старообрядцев надевали яркие "пасошные" сарафаны и рубахи. Встречали праздник с просветленной и очищенной душой, чему немало, по видимому, способствовал предшествующий Великий пост. В прошлом Пасху широко праздновали не толь-



ко в семейном кругу, но и всем обществом. Во многих селениях это был престольный праздник, на который съезжались многочисленные родственники и знакомые. С Пасхи начинались весенние молодежные гуляния, игрища, хорыводы, сменившие зимние вечерки в избах. В пасхальную неделю было принято устраивать качели на окраине или в центре селения, что обычно делали парни из собранных по хозяйствам досок, бревен и веревок. Даже в городах были народные гуляния. Так в Томске в середине XIX века на пасхальных гуляниях были устроены "круговые качели", выступали заезжие артисты, фокусники и акробаты, пел цыганский хор и играл военный оркестр.

Начинался праздник, конечно, богослужением, в церковь несли святыню кудлич и яйца. По Сибири распространен был обычай отмечать начало и конец Христовой заутрени холостыми ружейными выстрелами - "Христа встречали". Известно также, что на Пасху любой желающий мог подняться на колокольню и звонить. А звонари раньше были отменные: еще и сейчас рассказывают, как в селе Вороно-Пашне звонарь умел выигрывать на колоколах даже "Барыню", за что его наградили проезжающий архиерей.

Разговляться на Пасху полагалось крашеными яйцами. В некоторых семьях первое пасхальное яйцо разрезали на всех членов семьи, чтобы каждому хватило по кусочку. Хозяйки пекли к Пасхе сдобные кудличи в глиняных горшках, красили луковой шелухой огромное количество яиц. Все скромные продукты копили, известно ведь, что дорого яичко ко Христову дню. К праздничному столу полагалось символически приглашать умерших родственников, угощали и своего дедового, чтобы лучше заболтался о скотинушке. Много и других древних, дохристианских поверий бы-

ло приурочено к этому дню. Так в Христову заутреню хитроумные хозяйки, имеющие подозрение на кого-либо в колдовстве, растапливали печь дровами, накопленными от первого воскресенья Великого поста. Считалось, что при этом в дом обязательно



должна была прийти колдунья, сделавшая какое-либо зло, и ее можно было наказать, или во всяком случае знать, кто она. В Пасху, как и в некоторые другие праздники, ничего нельзя было отдавать из дома - иначе будет ущерб в хозяйстве. От заутрени старались принести домой горящую свечу и делали ею кресты на матице и в переднем углу, что должно было уберечь дом от грозы. В Пасху ничего нельзя было бросать и лить за окно - "Христос под окнами ходит". Считалось также, кто умер в Христов день, тот идет прямо в рай.

И дети, и взрослые с удовольствием участвовали в разнообразных играх с

пасхальными яйцами. В прошлом эти игры имели ритуальный смысл: удачливость в игре сулила благополучие в судьбе. В одной из игр бились яйцами: чье останется целым, тот забирает себе и разбитое, и бьется со следующим. Даже примечали, какая курица несет более крепкие яйца, годные для таких битков. В других играх катали яйца по наклонному лотку, бросали битком в яйца, сложенные в лунки и пр. Наиболее удачливые игроки вспоминают, что выигрывали по ведру яиц.

Крашеными яйцами в Пасху обменивались друг с другом при встречах, с традиционным приветствием: "Христос воскрес!" и ответом: "Воистину воскрес!". При этом троекратно целовались - христосовались. Особенно ценилось первое, полученное в этот день яйцо, от первого встречного. Обычно это яйцо, или другое пасхальное, хранили на божнице вместе с иконами до следующей Пасхи: оно спасало от "нечистого", а при пожаре его бросали в огонь, после чего, говорят, огонь стихал. Скорлупу от пасхальных яиц собирали, толкли и добавляли в зерно для удачного посева.

Существует несколько версий, почему на Пасху красили яйца. Следует отметить, что яйцо само по себе является очень древним, дохристианским символом начала всего живого, возрождения, воскресения новой жизни. Не случайно этот символ был принят и в христианстве в знак воскресения Христа. По одной из легенд, записанных нами, красить яйца стали потому, что у человека, принесшего весть о воскресении Христа, в руке было яйцо. Когда он сказал, что Христос воскрес, ему не поверили, и яйцо вдруг стало красным. Все в изумлении воскликнули: "Воистину воскрес!"

Празднование Пасхи в традиционном виде в Томском крае местами сохранялось до 1930-х годов. Пожилые люди и сейчас хранят в памяти самые светлые воспоминания о праздновании этих дней.

Пана **БАРДИНА**,
этнограф.



Томский летописец



1899 год.

В среду, 17 марта, в 8 с половиной часов вечера явился в 1-й участок священник Спасо-Преображенской градо-томской церкви А. Попов и заявил, что какой-то неизвестный человек, судя по выговору, малоросс, пришел к нему за советом, как поступить с найденными им деньгами, причем показал чем-то наполненный мешок. Счастливый малоросс, показывая мешок, но не развязывая его, начал рассказывать батюшке, что не знает, что делать с этими деньгами, тем более, что он новых денег не знает и не видел. Тут же была жена священника, которая, снисходя к неведению мужика, вышла в другую комнату и принесла накануне полученные из банка 3000 рублей, начала при участии и объяснениях батюшки раскладывать их по столу. Желая сравнить деньги, находящиеся в мешке, с разложенными на столе, мужичок начал развязывать узлы, но их оказалось так много и так крепко завязанных, что отец Александр и его жена начали помогать счастливцу добыть столь искусно запрятанные сокровища. Священник и его жена так занялись развязыванием мудреных узлов, что мужичок схватил разложенные на столе 29 сто-рублевых билетов нового образца и 4 билета двадцатипятирублевого достоинства, а всего 3000 рублей, моментально выбежал из дому, сел на ожидавшую его лошадь, при которой находился товарищ "счастливца", и скрылся. Пока никаких следов не обнаружено, несмотря на все меры помочь обманутому батюшке.

"Сибирский вестник", 19 марта.

1901 год.

В воскресенье, 15 апреля, состоялось открытие томской биржи. По этому случаю в помещении биржи, в доме мещанского общества, преосвященным Макарием было совершено молебствие, на котором присутствовали томский губернатор князь С.А. Вяземский, вице-губернатор барон Д.Н. Дельвиг, члены биржевого общества и биржевого комитета с председателем И.Е. Кухтериним во главе и другие приглашенные лица. После молебствия преосвященный Макарий обратился к присутствующим с приличным случаю словом.

... Сегодня состоится первое собрание томской биржи, но без участия биржевых маклеров, так как они еще не избраны. Выборы маклеров будут произведены после утверждения министерством финансов инструкции, выработанной для них общим собранием биржевого общества.

"Сибирская жизнь", 17 апреля.

1908 год

Чего, чего только не выдумают, чтобы завлечь публику дать свои физиономии для воспроизведения их на бумаге, конечно, за приличное вознаграждение! (Ведь это главное). Так, на Жандармской улице фотограф Лёбов завлекает публику в свою фотографию фонографами. Каждый снимающийся берет выигрышный билет (всего 80 билетов на 1 граммофон). Люди, счастливые на выигрыши, получают не только снимок со своей физиономии, но еще и граммофон.

"Сибирские отголоски", 27 марта.

Томский летописец

О ЧЕМ ПИСАЛИ МЕСТНЫЕ
ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ
В МАРТЕ - АПРЕЛЕ...

Некто г. А.Т. Емельянов, проживающий в Томске, просит огласить следующий факт: Н.Ф. Чиднером и В.А. Поляковым распространяются рекламы о вновь изобретенной "прачке-американке", дающей возможность в сравнительно короткое время стирать белье всякого сорта. Как та, так и другая рекламы выпущены от имени различных фирм, ничего общего между собой не имеющих. Выписанная А.Т. Емельяновым недавно от фирмы г. Полякова "прачка-американка", обошедшаяся около 6 руб., оказалась просто жестяною воронкой с каким-то переплетом внутри и деревянной ручкой, развалившейся после первой же стирки.

Характерно, что обе рекламы по существу совершенно аналогичны, с большой серией одинаковых благодарственных писем.

"Сибирская жизнь", 23 апреля.

1911 год.

Томская уличная газета-плакат "Новости дня", сильно обеспокоенная пущенною по городу, очевидно, каким-то шутником молвою, будто

при одной из операций, произведенной профессором г. Тиховым, в соучастии с ассистентом г. Никольским, в брюшной полости пациента зашиты профессорские галоши, нужно полагать, для опровержения слухов выпущенных на всеобщее обозрение следующее, буквальное, произведение:

"Карикатура. В дни покаяния."

Далее следует рисунок: два субъекта, перед операционным столом с распростертым на нем трупом. Один субъект плачет, другой - в ужасе созерцает содеянную "работу".

Под рисунком подпись:

"Профессор Тихов:

- Почитаем по покойничке... Да, вот она, жизнь-то. Сегодня здоров, а завтра предается в тебя какая-нибудь крошечка... пинцетик, этакий, капельный, и капнут.

Пугливо взглядывая на безвременно почившего, сбиваясь, читает доклад "Об инородных телах, оставляемых во время операций в брюшной полости".

Ассистент г. Никольский:

- Принимая во внимание дни покаяния и... предстоящую защиту диссертации (всклипывает), вынужден сказать, что это... это... моя работа".

Карикатура едва провисела день, была снята. Ясно, что и это опровержение г. Апельсинова или ... как его там... Ландышева, оказалось не верным. Но что же такое, наконец, в действительности было зашито в брюшной полости? Интересно!

"Сибирская правда", 23 апреля.

1916 год

24-часовое исчисление времени с 1 апреля введено в местной почтово-телеграфной конторе. Началом суток считается 12 часов ночи.

С введением такого исчисления времени старые отметки "п.н." (пололуночи) и "п.д." (пополудни) представляться не будут, ввиду чего обозначение "14 часов 29 минут" будет равно 2 часам 29 минутам дня по 12-часовому циферблату.

"Утро Сибири", 2 апреля.

Публикация В. М. СЕРДЮКА.



Томский летописец



КЕРЕВСКОЕ

Село Киреевское на Оби известно сейчас больше как место летнего отдыха томицев. Ничто здесь не напоминает отдыхающим о необычной судьбе этих мест. Между тем, Киреевское никогда не было простым крестьянским поселением, а возникло и долго служило как промышленный пункт, что являлось редкостью в дореволюционной Сибири.

В Сибирской советской энциклопедии названа явно неверная дата основания села - 1600 год. А ведь к этому времени русские по долине Оби дошли лишь до Нарыма. Томск - опорный пункт освоения края, как известно, построен только в 1604 году. Не существовало на этом месте и татарского поселения. Значит, село возникло позднее.

Киреевское, вероятнее всего, основано в 1840-1841 годах, вместе с постройкой винокурного завода. В XVIII-XIX веках существовала государственная монополия на производство и продажу вина, что приносило казне до 40 и более процентов всего государственного бюджета. В Сибири строились за казенный счет большие, хорошо по тем временам оборудованные винокурные заводы. В Томской губернии это были Вороновский, Каменский, Краснореченский, Боготольский. К 40-м годам XIX века оборудование

этих заводов уже изнашивалось, к тому же они в буквальном смысле срубили сук, на котором сидели: вырубали окрестные леса на топливо, тару, строительные материалы. По скудости "воды и лесу" еще в конце XVIII века был закрыт Вороновский завод, а затем и остальные. Нужен был новый завод, взамен прежних, сокративших производство до минимума.

Такой завод Министерство Финансов наметило построить в 1840 году при впадении реки Керевы в Обь в 64 верстах от губернского города Томска. Здесь нашли все необходимое для выкурки вина: хороший со-

сложнее. При дефиците рабочих рук в крае, казенные заводы укомплектовывались кадрами обычно принудительными методами. К ним либо приписывали крестьян, либо ссыльных. Последние предпочитались, потому что отрывать крестьян от земледелия администрация без крайней необходимости не хотела, отказывая в этом частным и казенным заводам. Исключение составляли лишь заводы самого императора на Алтае и в Забайкалье.

Сыльнокаторжные, работавшие на заводах Сибири, делились по срокам ссылки на две группы. Основную часть составляли постоянные работники - уголовные и политические каторжные со сроком работ более 20 лет. Вторую часть формировали из временнорабочих - бродяг, направленных на заводы до установления личности и переводворения. Временные жили на заводах по 4-8 лет.

Все каторжники на керевском заводе содержались без охраны и кандалов. Их, по данным Ю. Гагемейстера, насчитывалось в 1851 году 688 постоянных и 112 временных. За порядком следила воинская инвалидная команда в 114 человек. Осужденные за "неважные" преступления, а также показавшие примерное поведение каторжники имели право жениться и обзаводиться хозяйством.

Контингент каторжников формировался обычно из лиц, совершивших уголовные преступления, однако в их число нередко попадали крестьяне, выступившие против помещичьего гнета. Попадали на Керевский завод и польские повстанцы, возможно здесь отбывал каторгу петрашевец Феликс Толль, из которой вызволил его Г. Батеньков.

Каторжные выполняли на заводе все работы: заготавливали лес, возили его, мололи муку, плотничали, делали тару, правили плотину, заготавливали



Земли каторжников.

сновый бор, река Керева, на которой можно было сделать плотину, надежная и дешевая доставка грузов по Оби, возможность сбыта вина в большой город. В 1840 году по распоряжению губернской казенной палаты под завод, покосы, пашню, огороды была отведена земля, отвод леса производился в 1846-1851 годах. Завод, по сведениям Главного управления Западной Сибири, строился в 1841 году, а начал действовать в 1842 году. В 1850 пустили в действие паровую каменную двухэтажную мельницу.

Сложно было в Сибири оснастить завод необходимыми механизмами, но найти работников оказалось еще

КАТОРЖНОЕ СЕЛО



лед для перегонного куба, косили сено, исполняли внутривзаводские операции.

Завод работал обычно в зимние месяцы. Летом он останавливался на ремонт. В это же время рабочие могли заниматься своим хозяйством. Каторжники построили к 1851 году 262 дома с усадьбами. Насколько вольно жили каторжане говорит тот факт, что ревизовавший Западную Сибирь сенатор Анненков конфисковал на заводе 13 ружей, с которыми арестанты ходили на охоту.

Несмотря на явные нарушения режима каторги, керевская заводская контора отказалась строить острог и после внушения сенатора, сославшись на то, что казенные работы не могут пропитать каторжников, а содержание подсобных хозяйств требует свободного передвижения. Действительно, каторжники получали от казны в месяц по 2 пуда ржаной муки, а на членов семьи - по одному пуду. Собственно на заводе были заняты из семи-восьми сотен каторжан около двух сотен. Они получали от арендатора завода не 3 копейки серебром в день, как остальные, а до 9 копеек серебром. Самую высокую плату получали бочары - до 3 рублей серебром в месяц. Без приработков на казенное жалование работников завода не могли бы содержать семьи, в которых в 1851 году насчитывалось уже более 300 детей.

Хозяйство и семьи удерживали каторжников на заводе крепче любых оков и конвоиров. С Керевского завода в год уходило 5-6 десятков каторжан, а с винокуренных заводов Восточной Сибири, где каторжники не жили оседло, в иные годы разбегались все поголовно.

Керевский завод работал до 1856 года, когда был закрыт по постановлению Сибирского комитета вследствие невыгодности производства для казны. Ведро полугара (40 градусов вина) обходилось в 70-80 копеек серебром, в то время как на других заводах края вдвое-вчетверо дешевле. К тому же в 1853 году прекратилась ссылка на каторгу в Западную Сибирь, и завод остался почти без источника свежей рабочей силы. Поводом для закрытия завода стал пожар в 1855 году, когда сгорела винница - деревянный сарай с перегонным кубом.

После ликвидации завода встал вопрос - что делать с каторжанами? Первоначально администрация предполагала образовать на месте казенных заводов особые ссыльнопоселен-

ческие волости, чтобы не смешивать бывших каторжников и крестьян. Дело затянулось почти на десять лет. За это время кончились сроки у многих каторжных. Бессемейных и бездомных определили ксылке на заводы Восточной Сибири. Семейных оставили жить в селе Керевском, в деревнях Канаевой, Маловетюхиной.

Чем же занималось население, лишившись заводского заработка? Выручил керевцев любознательный управляющий завода, имя которого, к сожалению, установить не удалось. Еще в 1852 году выписал он для опыта американский табак и приучил к табаководству других жителей села. Уже через два года киреевский табак вышел на рынок, а вскоре стал товаром, известным не только в Сибири.

Самый дешевый сибирский табак по рублю за пуд шел на прииски, на Ирбитскую ярмарку, в Томск. Производство его быстро росло. "Табаководство окончательно вытеснило здесь хлебопашество и им в Киреевске буквально никто не занимается", — писал корреспондент "Сибирского вестника".

В 60-е годы прошлого века жители села вновь получили возможность работать на винокуренном заводе, который восстановил купец Борис Хотимский. Он постепенно купил заводские постройки, устроил новую винницу, нанял 150 рабочих. Однако дело у Хотимского не заладилось. В ведомостях 1871 года в действующих завод уже не числился. С этого времени жители села перешли почти исключительно на земледелие и разного рода побочные промыслы.

Население бывшего каторжного села постепенно вживалось в обычный крестьянский быт, хотя продолжало отличаться непоседливостью и буйным нравом. Специально учрежденный смотритель поселенцев Богородского отделения постоянно сообщал в губернское управление о пьяных драках, грабежах, убийствах в окрестностях Керевского села.

Необходимо сказать и еще об одном обстоятельстве, которое до сих пор влияет на жизнь села: винокуренный завод нанес громадный урон окружающим лесам. Ю. Гагемейстер писал в 1854 году: "Казенный винокуренный завод, стоящий в 63 верстах от Томска при слиянии рек Керевы и Томи (здесь он ошибся, на самом деле - Оби) устроен среди леса, но небрежные рубки, в особенности для бочарных досок, для которых требуется самый отборный лес, до того ист-

ребили его, что на десять верст вокруг завода остались ныне одни кустики и пни".

После закрытия завода вырубка леса в больших масштабах прекратилась. Село окончательно перешло на табаководство и пчеловодство. Население его продолжало расти. В 1897 году Первая всеобщая перепись населения ушла 1197 жителей. В 1911 году по данным губернской статистики насчитывалось 219 хозяйств и 1186 жителей, имелся храм во имя святого Николая Чудотворца, сельское училище, поселенческая богадельня, два кожевенных завода, хлебозапасной магазин, 5 мелочных, пивная, винная лавки. До конца 20-х годов нашего века Киреевское продолжало процветать. Оно снабжало табаком Томскую и Новосибирскую махорочные фабрики. Позднее подросший лес позволил открыть здесь лесозаготовки. После второй вырубке леса, падения табаководства, население села сократилось до 584 человек. Название села официально изменилось после 1917 года, хотя в газетах и в крестьянском обиходе оно и раньше именовалось Киреевским. Ныне жители заняты в лесном хозяйстве, на обслуживании баз отдыха, в речном транспорте.

Василий ЗИНОВЬЕВ,
кандидат исторических наук.



«КАК ВСКОЛЫБАЛАСЯ

О Томских восстаниях

Положение крупного сибирского острога обязывало Томск ко многому. Но расширение торговли, укрепление колониальных связей, прочие выгоды стороны таковой роли неизменно влекли за собой следствия менее приятные для города. История древнего поселения густо замешана на разного рода военных столкновениях, пожарах и выступлениях служилых, посадских и ясачных людей против законной государственной власти.

Да, да, заговоры и бунты не миновали Томск, а восстание 1648 года, в котором приняло участие все население города и уезда, историки и вовсе относят к самым значительным во всей Сибири той поры. Уникальный пример борьбы мятежного города со своим неугомонным воеводой дошел до нас благодаря челобитным, документам яркой красоты...

Одно из первых известных нам выступлений, правда, связано не с томичами. В летопись города оно вошло как заговор томской "литвы". Так, одним словом, называли тогда белорусов, латышей, поляков, черкасов и других подданных Польши, оказавшихся в Сибири в качестве военнопленных или ссыльных "изменников". Иные отправлялись по прошествии срока на родину, а иные приживались, женились на русских и, будучи людьми достаточно образованными, достигали весьма заметных должностей. Становились сотниками, атаманами, казацкими головами, "боярскими детьми". Ссыльная "литва", конечно, была недовольна своим положением и не упускала возможности при случае бежать от морозной, дикой Сибири. Но редко кому удавалось уйти от конной погони и миновать благополучно казацкие заставы.

А Томск, надо сказать, уже в те времена имел репутацию ссыльнопереселенческого города. Невольные сибиряки давно лелеяли мысль о побеге и вот, когда в августе 1633 года в Томск прислали новую группу "литвы", человек в полтора, возник заговор. Во главе его стоял конный казак Иван Белиловец, а собирались заговорщики в доме "староверстанного литвина", казака Ивана Красно-

польского - вина которого, видимо, и сводилась к предоставлению избы для "воровского совета".

Замысел возник такой: "побить воевод" и прочих служилых, "пограбить казну", захватив денег, соболей да пороху, город и острог с посадами сжечь и бежать на Волгу, оттуда на родину. Намеревались бежать в самый разгар сенокосной страды, когда в городе оставалось немного людей. Однако дело провалилось самым банальным образом: незадолго до выступления к воеводам пришел крестьянин Тимофей Смолянин и, надо полагать не совсем бескорыстно, донес на заговорщиков. Смутьянов, не мешкая, схватили, зачинщиков пытали и жгли огнем, все они несомненно повинились, хотя большинство других казаков на следствии божились, что о "лихом воровском заводе" не ведали ни сном, ни духом.

Особо не разбираясь, двенадцать заговорщиков повесили в назидание и "для успокоения шалости", кое-кого засадили в тюрьму, "пыточные речи" отправили в Сибирский приказ - на том все и завершилось. А вскоре после заключения мира с Польшей томских ссыльных освободили и перепроводили в Москву...

Более глубокий след в памяти томичей оставил "хлебный" бунт случившийся три года спустя после описываемых событий. Томским служилым людям объявили, что имеющие большие наделы земли отныне лишаются жалования вообще, а владельцы малых пашен станут получать его в сильно урезанном виде. Мера, безусловно, выгодная государевой казне (завозимый с Руси хлеб стоил очень дорого!), однако чисто кабинетного свойства, не учитывающая реального положения дел.

В сентябре из Тобольска в Томск водою доставили караван хлеба. Хлебное жалование роздали сполна за минувший год, а за новый не дали никому, включая тех, кто имел на него право и по новому положению. Мало того, воевода князь Иван Ромодановский будто в насмешку заставил обиденных казаков перевозить желанный хлеб в "государевы житницы" и... на двор некоторых служилых и боярских детей. Томичи возмутились.

Во главе бунтовщиков оказался казачий пятидесятник Андрей Губа. Казаков поддерживали посадские и ясачные люди уезда, которые воспользовались случаем вытребовать и

для себя какие-нибудь льготы и послабления. При Ромодановском многие "испытывали смутное и тесное житье", а некоторые ясачные, повинувшись великой нужде, даже закладывали собственных жен и детей.

Не на шутку испугавшись, князь пошел, было, на уступку, тем более, потрепанные в пути неразгруженные суда с хлебом могли вообще пойти на дно Томи. Но служилые не приняли уступки и восстали всем "миром". Бунтовщиков насчитывалось до 700 человек. Это был странный, небывалый бунт! Когда воевода захватил несколько казацких пятидесятников и посадил их в тюрьму, туда же демонстративно направилось человек полтора - чтобы поддержать смутьянов и взять вину всем "миром".

Между тем, Андрей Губа "со товарищи" отправился с жалобой на лихимца к самому царю. И пока длился их нелегкий путь, пока Москва судила да рядила, как бы поступить, конфликт с воеводой тянулся и тянулся. Князь Ромодановский отправлял зачинщиков под замок, служилые их отбивали, а город, поначалу отстраненно наблюдавший за схваткой, принял в конце концов сторону восставших, поддержал бунтовщиков.

Ослушники, впрочем, избегли наказания, дело постарались замять, сыск никаких результатов, естественно, не дал. Препятствия воевод отправили на Русь, их советников с женами разослали по сибирским городам, новому же воеводе князю Масальскому благоразумно велели приостановить действие послешного указа и выдать всем положенную норму хлебного жалования. Словом, так или иначе, томичи своего добились.

Летопись Томска не слишком-то богата описаниями героических сражений и походов. Событий, которые бы резко выделяли его из общего хроникального ряда развития Сибири, не так уж много. Одно из них - восстание 1648 года, поднявшее все население города и уезда: казаков и мелкого служивого боярства, посадских людей, пашенных крестьян, жителей ясачных волостей. Восстание, изрядно досадившее государевой власти, которой, признаться, хватало забот и с усмирением великой московской смуты. Восстание, от которого вроде кругом на воде, пошло волнение далеко за пределами Томска.

А случилось вот что. В 1646 году в Томск на воеводство после смерти брата Дмитрия прибыл князь Осип

ЧЕРНЬ НА БОЯР»



середины XVII века

Иванович Щербатый. Человек известного склада: корыстолюбив и предпримчив, жесток и изворотлив. Даже зажиточных татар и остяков разорил до того, что те вели в заклад собственных близких. Крестьян заставлял работать в хозяйстве воеводы и приказчика его Старкова, в страдную пору принуждали строить на реке мельницу.

Князь отправлял на колмыцкие торги своих людей и те скупали для него пушнину и другие товары. Мешая собирать ясак в ясачных волостях, скупал там меха и рыбу, "перебивал" торговлю и промысел служилым людям. Брал взятки, менял у казаков коней, отправляя хороших на Русь, вел дела себе на прибыль и по строительству новых городских укреплений. А ко всему прочему, обвинял князя в "позоре" жен в пьяных оргиях. Словом, не было в Томске на много верст вокруг людей, не имевших к князю справедливых претензий.

Челобитные, которые отправлялись в Москву, успеха не имели. Недовольное Щербатым население, томская "оплозия" объединилась вокруг другого воеводы - Ильи Никитича Бунакова и дьяка Бориса Исааковича Петрекеева. Служилых людей возглавили боярские дети, казацкий голова З.Литосов, пятидесятник И.Володимерец.

В конце апреля - начале мая 1648 года томичи отстранили от власти князя Щербатого и фактически арестовали его на своем дворе. Поводом для бунта послужил приказ воеводы отправить из Томска в Красноярск 200 служилых людей по просьбе тамошнего воеводы Михаила Дурново. По всему Томску избивали и задерживали сторонников Щербатого, вершили дела "воровские круги", повстанческие органы управления. Дворы сторонников негодного воеводы были отданы на разграбление. Задним числом в челобитной томичи просили государя избавить "своих сирот" от лихоимца, уже сидевшего под замком, и предупреждали, что отправят в Москву подробные описания его, воеводы, притеснений и насилий.

Около 20 августа, в самый разгар московской смуты, томичи прибыли в белокаменную, привезя с собой шесть пространнейших жалоб от служилых, томских татар и остяков, ясачных, жилецких, оброчных людей, пашенных крестьян. Государь обещал дать по челобитным "судимую грамоту" на князя Щербатого. Москва не могла пренебречь требованиями вос-

ставших, хотя заботилась, понятно, прежде всего, о собственных интересах. Снизили размер десятины, установленной воеводой, выдали задержанное жалование служилым. Исправно реагировал на все просьбы томичей и Сибирский приказ.

А взбунтовавшийся город бурлил. Противоборство сторонников Щербатого и Бунакова принимало характер явной междуусобицы. Перехватывались на заставах челобитные, толпа сажала в тюрьму и избивала неугодных. Впрочем, новый воевода Бунаков во всем походил на прежнего, так же не делал различия между своим двором и государевым хозяйством. И вскоре тоже вызвал недовольство томичей. Казаки и мастерские составили челобитные уже на Бунакова, о чем стало известно последнему. Заговор был раскрыт, зачинщики посажены в тюрьму и подвержены пыткам. Одновременно велась борьба и против сторонников Щербатова. Причем, обе стороны, стремясь к власти, старались всячески привлечь на свою сторону население.

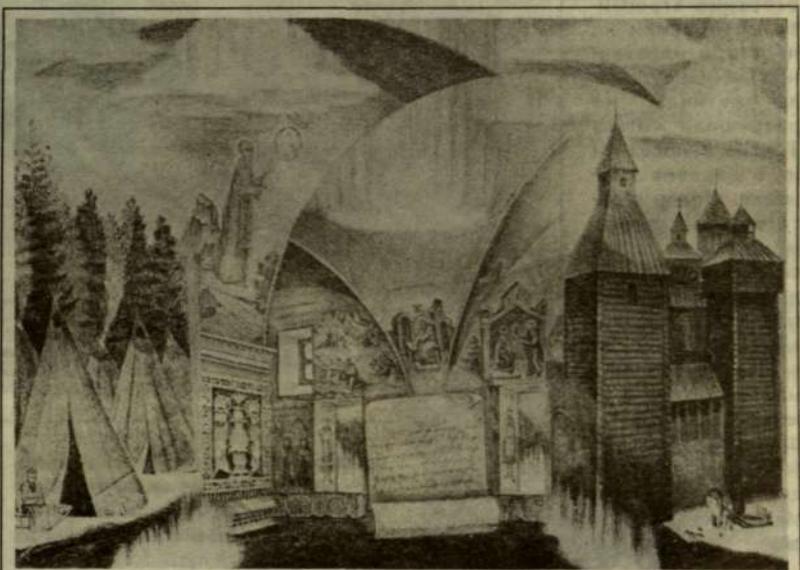
Челобитные "грамотки" Щербатого попали-таки в Москву и Тобольск, откуда предполагалось прислать для подавления бунта отряд служилых. Томичи отправили гонцов в Кузнецкий острог, прося поддержать их выступление. В конце концов, восстание сошло на нет, в Томск приехали новые воеводы - Волынский и Коповинский. Илья Бунаков был бит кнутом и сослан в ссылку, равно как и некоторые слу-

жилые, пятидесятники и боярские дети, повинные в смуте. Попытка создать на Томи "свой сибирский Дон" успехом не увенчалась.

Следствие по делу о бунте тянулось несколько лет. В Сибирском приказе устраивали очные ставки между князем Осипом и Ильей Бунаковым. Князь обличал томичей в создании незаконных "воровских кругов", те, в свою очередь, отстаивали свое традиционное право городского челобитья на воеводу. Томичи доказывали законность своих прав на смещение "дурного" воеводы, на устранение "изменника", нарушившего верность царю - тем, что узурпировал, по сути, государевы права.

О Московской смуте в Томске узнали только в декабре 1648 года. Когда устали ждать вестей от первых челобитчиков, послали казаков в Нарым, и оттуда, от сургутских казаков, привезли весть о восстании. Бунаков собрал у себя во дворе узкий круг служилых и сообщил им об известии. Но каким-то образом новость вскоре облетела весь Томск.

Виктор ЮШКОВСКИЙ.



На снимке: литография Л. Г. Лапиной "Старый Томск"



ГАРМОНИЯ

Среди народных промыслов в нашей стране немало таких, которые в своем названии прямо указывают на свою территориальную принадлежность: жостовские подносы, дымковская игрушка, вологодские кружева, тульская гармонь...

Был, к сожалению, именно был, и в Томске один промысел, который, правда, не назывался по имени города, но все же когда-то Томск был самым крупным центром по производству сибирских гармоней. В нашем городе жили и трудились, начиная с 90-х годов прошлого века, десятки прославленных на всю Сибирь гармонных мастеров. Сегодня мы расскажем об одном из них.

Федор Петрович Коковихин родился в середине 70-х годов прошлого века в деревне под Вяткой, где существовал тогда один из центров производства гармоней. Мальчиком он попал в Сибирь, в Томскую губернию, куда были посланы его родители за участие в так называемых "картофельных бунтах". Вятские крестьяне отказывались садить картофель, власти особенно строптивых отправили на просторы нелаханной Сибири. Поначалу вятичам не разрешили жить в Томске и поселили их в деревне Наумовке. Федор с детства был очень музыкальным, любил слушать пение и, когда наступила пора отрочества, отец решил отдать его в обучение гармонному мастеру Хохрину, жившему в Томске. Федор Хохрин сам был вятский, успел "поставить свое дело" и имел небольшую мастерскую. Маленький тезка понравился мастеру своим трудолюбием и смекалкой, и

Хохрин стал постепенно раскрывать секреты мастерства Коковихину.

А секретов было немало. Производство гармоней - это очень трудоемкое и сложное дело, пожалуй, сродни скрипичному. Работа с деревом, металлом, настройка голосов, отделка корпуса, наконец, изготовление футляра. Кстати, и футляры старые мастера делали по-своему: без единого гвоздя.

Хохрин, поняв, что у Федора есть "своя" рука, дал ему немного денег на

И вот, в начале XX века, в Томске открывается гармонная мастерская Федора Коковихина. Гармони Коковихина стали пользоваться успехом и постепенно расходились по всей Сибири. Случалось, и попадали они за Урал, в Европейскую часть России.

Гармони были сработаны так добротны, что служили своим хозяевам музыкантам не пять и не десять лет. Известно свидетельство одного гармониста из Васюгана о том, что в годы Отечественной войны на фронте он встречал много гармоней, сделанных мастером из Томска. Гармошки Коковихина легко было узнать и по своеобразному футляру и по штампу овальной формы.

Но, конечно, самое главное - это звук гармошки.

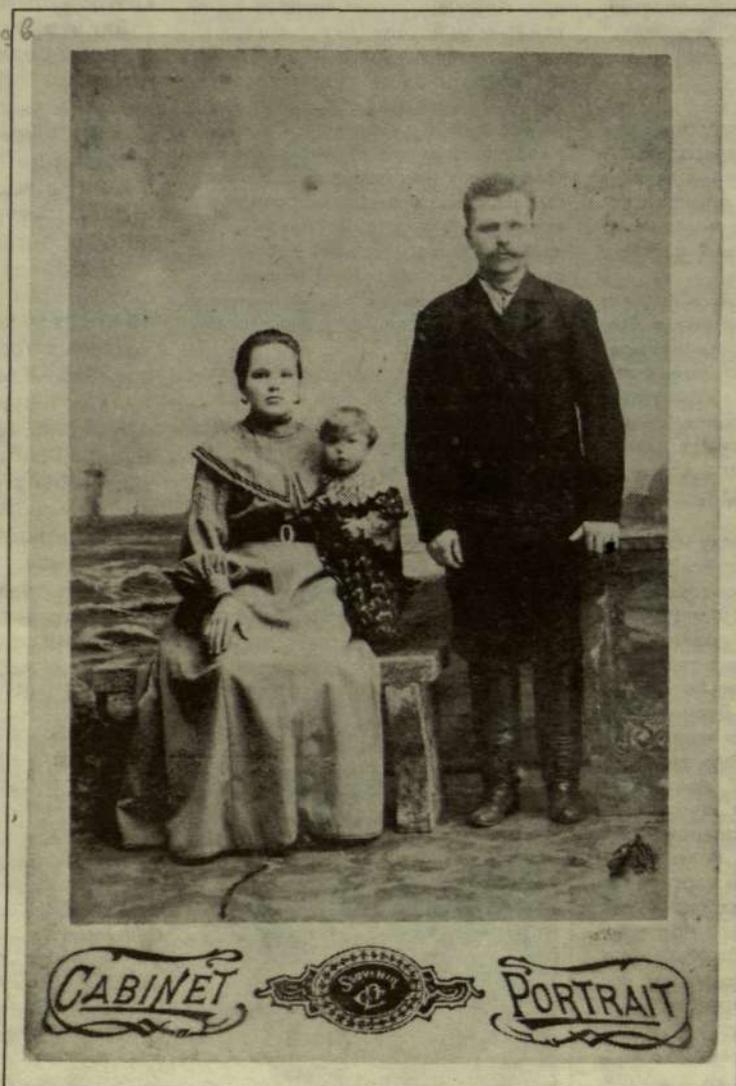
Коковихин умел делать однорядки и двухрядные гармонии, обладавшие небольшим, но очень "полетным", долго сохранявшимся звуком. Окончательную настройку гармоней делал обычно мастер Блинов, который обладал изумительным абсолютным слухом.

Открытие своей мастерской совпало для Федора Петровича с женитьбой на Татьяне Загоскиной, с которой он познакомился на заимке под Наумовкой. Молодые жили счастливо, у них родились пятеро детей: сначала три девочки - Таисия, Лидия и Апполинария, а затем и два сына - Михаил и Алексей.

Гармонный промысел давал Коковихину неплохой заработок, мастер относился к мещан-

скому сословию.

К сожалению, жизнь Федора Петровича оборвалась довольно рано. Едва перешагнув сорокалетний ру-



приобретение инструментов и на покупку небольшого дома, почти напротив своей мастерской, на Загорной улице, и благословил Коковихина на самостоятельный путь.

ФЕДОРА КОКОВИХИНА

беж, он скончался от рака в начале 1917 года.

Секреты своего мастерства Федор Коковихин успел все-таки передать своим ученикам. Наиболее известными из них стали Иван Блинов и Василий Пестов. Они трудились несколько десятилетий после революции, воспитали своих учеников и заслужили самую добрую память. Ведь их сибирские гармошки и баяны звучат и поныне на свадьбах и вечеринках, летом и зимой, пробуждая светлые и радостные чувства.

Дети Коковихина пережили своих родителей, все обрели свой путь. Сейчас в Томске живет дочь Лидия Федоровна, которая и рассказала мне (а я - Вам) о жизни Федора Петровича. Здравствуют и другие родственники мастера.

Мы надеемся, что эта публикация привлечет внимание к жизни и деятельности других гармонных мастеров, представителей промысла, составляющего одну из достопримечательностей нашего города.

И пусть где-то еще долго-долго

будет играть и звучать, скажем о гармошке это чуть-чуть напыщенно и важно, гармония томского мастера Федора Коковихина.

Станислав ВАВИЛОВ.

На фото: Федор Коковихин с женой и дочкой.

(Из семейного архива Л.Ф.Кузьминой).

ОГУРЧИКИ-ПОМИДОРЧИКИ...

Частушки сочинялись безымянными авторами во все времена и всегда были популярны в народе. В советские годы они исполнялись со сцены и по радио в основном лишь самодеятельными певцами, да и то при условии, чтобы присутствовала обязательно хвала родной партии... Но складывались и пелись и истинно народные частушки, несущие заряд юмора, своеобразного осмысления окружающей действительности.

Асиновский самодеятельный русский народный хор, который возглавляет молодая руководительница Валентина Генералова, не только дает концерты, но еще и собирает по деревням старые русские песни, частушки, припевки. Эту благородную сторону деятельности хора с полным основанием можно назвать краеведческой.

В январе нынешнего года Асиновская городская газета "Наше Причудльмье" опубликовала две подборки частушек, собранных на чулымской земле, и пригласила читателей присылать свои. Реакция превзошла все ожидания, в редакцию прислали несколько сот частушек. Они, я думаю, будут интересны не только асиновцам.

Павел СУХАЧЕВ,
г.Асино.

Захотела выйти замуж,
Мать корову не дает,
А жених-то без коровы
Меня замуж не берет.

Полюбила я его
Черненького, кажется,
А он, рыжая зараза,
Гуталином мажется.

Попляшите вы, ботинки,
Вам уж больше не плясать,
Выйду замуж, буду плакать,
Вам на полочке стоять.

Оха, оха, оха-ха...
Чья же буду я сноха?
Кто же будет мой жених?
Повоюю я у них!

До чего же я была
Девка интересная...
В девках девку родила,
А замуж вышла честная.

Мне не надо перестройки,
Дайте лучше колбасы,
А еще кусочек мыла,
Чтобы выстирать трусы.

А мне милый изменил,
А я не опешила -
В переулке догнала
И пинков навешала.

Миша, Миша, Миша, Миш,
На тебя не угодишь -
То велика, то мала,
То лохмата, то гола.

Мой миленок не целует,
Только обещается.

А любовь без поцелуев
Строго воспрещается.

По деревне ходит милый,
Ходит улыбается,
Оттого, что вставил зубы,
Рот не закрывается.

Ой, подруженьки, мой милый
Стал рассеянный такой -
Ко мне ходит на свиданье,
А целуется с другой.

Меня милый не целует,
Говорит: "Курноса".
Как же я тебя целую,
Черта горбоносого?

Мы с подружкой вдвоем
Полюбили одного,
А он ходит и боится,
Как бы не было чего.

Люблю Колю на Николу,
Люблю Петю в Петров день,
Люблю Шуру в воскресенье,
Тебя, Ваня, каждый день.





БЫЛАЯ СЛАВА

Недолгим, но мощным оказался взлет сибирского маслоделия в начале XX века. Разумеется, сибирские крестьяне умели изготавливать масло и раньше. Но речь здесь о том периоде, когда изготовление сливочного масла превратилось в важнейшую отрасль народного хозяйства региона, а Сибирь заняла первое место в стране по изготовлению и отправке за рубеж этого ценного продукта. Причем, лидировала в этой отрасли не только в Сибири, но и во всей империи Томская губерния, которая накануне первой мировой войны поставляла до 60 процентов экспортного российского масла. Доля всей Западной Сибири в русском экспорте превышала 90 процентов. Благодаря росту сибирского маслоделия Россия передвинулась с 12 места в мире в конце XIX века по экспорту масла на второе к 1912 году, после Дании.

Подъем сибирского маслоделия пришелся на рубеж XIX и XX веков, когда по Великой Сибирской железной дороге пошли поезда. Магистраль соединила ранее почти изолированный регион с российским и мировым рынками. И Сибирь стала поставлять то, чем была богата: лес и рыбу, золото и продукты сельского хозяйства.

Предпосылки для развития маслоделия здесь были отличные: огромное стадо крупного рогатого скота, заливные луга, ведь от трав зависит качество молока, а следовательно, и масла. Толчок развитию маслоделия дали иностранцы, в первую очередь датские фирмы, специализировавшиеся на маслоторговле в Европе. В крупных селах и городах они открывали склады по скупке масла и продаже "принадлежностей молочного хозяйства", в числе которых обязательно были сепараторы и стандартные, в три с половиной пуда вместимости, бочонки для масла. Вслед за датскими устремились в Сибирь английские, не-

мецкие, голландские компании. Но не только иностранцы способствовали развитию этой отрасли в Сибири. Купец Балахин построил небольшой завод сепараторов в городе Кургане, основал "Союз сибирских маслодельных артелей", пропагандировал артельное (кооперативное) маслоделие, издавал специализированную, можно сказать, отраслевую "Народную газету". Директор Томского технологического института профессор Е.Л.Зубашев возглавил лабораторию питательных веществ, которая дала много полезных рекомендаций сибирским маслоделам.

Маслоделие быстро становилось ведущей товарной отраслью местного сельского хозяйства. Росло поголовье крупного рогатого скота, и к 1914 году на каждые 100 жителей сельской местности Томской губернии приходилось 72 головы крупного рогатого скота, в то время как в Европейской части России - 23,6. В Англии - 58, в США - 62. Правда, имелись и негативные стороны в развитии животноводства: местный скот отставал в продуктивности от европейского, часто плохо содержался, в Сибири остро не хватало ветеринаров, и во время эпизоотий (скотских эпидемий) десятки тысяч голов погибали.

Первые заводы по производству экспортного сливочного масла возникли в 1894 году в Курганском округе Тобольской губернии. В Томской губернии первый подобный завод возник, видимо, в 1896 году в селе Чистюнька (ныне Топчихинский район Алтайского края). Именно на Алтае, который тогда входил в состав Томской губернии, особенно в Барнаульском уезде, маслоделие получило наибольшее развитие.

В 1902 году в Томской губернии маслозаводов было уже 1418, произвели они продукции на 1,6 млн. руб. (средняя цена килограмма - 84 копейки), трудились на них 2,5 тыс. кре-

стьян. А десять лет спустя в 1912 году по данным губернского статкомитета, в губернии действовало 2047 маслоделен, стоимость изготовленной продукции составляла 28,6 млн руб. (средняя цена килограмма от 90 коп. до 1 руб.). Маслоделием занималось 5,4 тысячи человек.

С современной точки зрения маслодельни были кустарным предприятием, с тремя-четырьмя работниками. Они занимали не более двух комнат, да и располагались в обычных деревенских избах-срубах. Только один процент заведений имел паровые и водяные двигатели, 15 процентов — конные, прочие были ручными. Но эффективность подобных заводиков была удивительной. Каждое значительное село имело один-два маслозавода и молоко перерабатывалось на месте, его не перевозили по плохим сибирским дорогам, не теряло оно своего качества. Куда проще было доставлять в города и на пристани бочонки с конечным продуктом переработки — маслом.

Готовую продукцию свозили в торговые села - Камень, Усть-Чарышскую Пристань, Змеиногорское, Волчиху, в города Бийск, Барнаул, Каинск, Новониколаевск (ныне Новосибирск). Крупнейшими центрами скупки масла стали пристани на Оби. Только за один 1913 год из Барнаула, Бийска и прочих пристаней Алтая в Новониколаевск доставили 16 784 тонны масла. Кроме того, в самом Новониколаевске было скуплено 15 824 тонны. От Новониколаевска масло везли по железной дороге до портов Прибалтики (путь занимал 12 суток), после чего оно доставлялось морем в главные маслоторговые центры Европы - Копенгаген, Гамбург, Лондон и Глазго. Главный рынок сбыта находился в Германии и Англии. О масштабах подобной транспортировки свидетельствует и тот факт, что летом еже-

СИБИРСКОГО МАСЛА

недельно по Сибирской железной дороге отправлялось на Запад по 10-14 "масляных" поездов, каждый из составов имел по 25 белых вагонов-холодильников.

Несмотря на дальние перевозки, сибирское масло сохранило конкурентоспособность в

ким ценами торгуя сепараторами по высоким. Естественно, коммерсанты двинулись в Сибирь явно не с благотворительными целями. Но отдача от этого "вторжения" была весомее, чем какие-либо негативные последствия. Полунатуральное хозяйство сибирских

причем развивалась производственная кооперация.

Вывоз масла не шел в ущерб местному рынку, цены на продукты животноводства в Сибири были ниже, чем где бы то ни было в Европейской России. А факт, что сибирское экспортное масло давало больше при-

были России, чем вся ее золотопромышленность, хорошо известно.

Первый удар по сибирскому маслоделению был нанесен в годы войны с Германией. В первые же месяцы войны железные дороги, занятые перевозкой новобранцев, оружия и провианта, перестали принимать грузы отменных фирм. Начали рваться рыночные

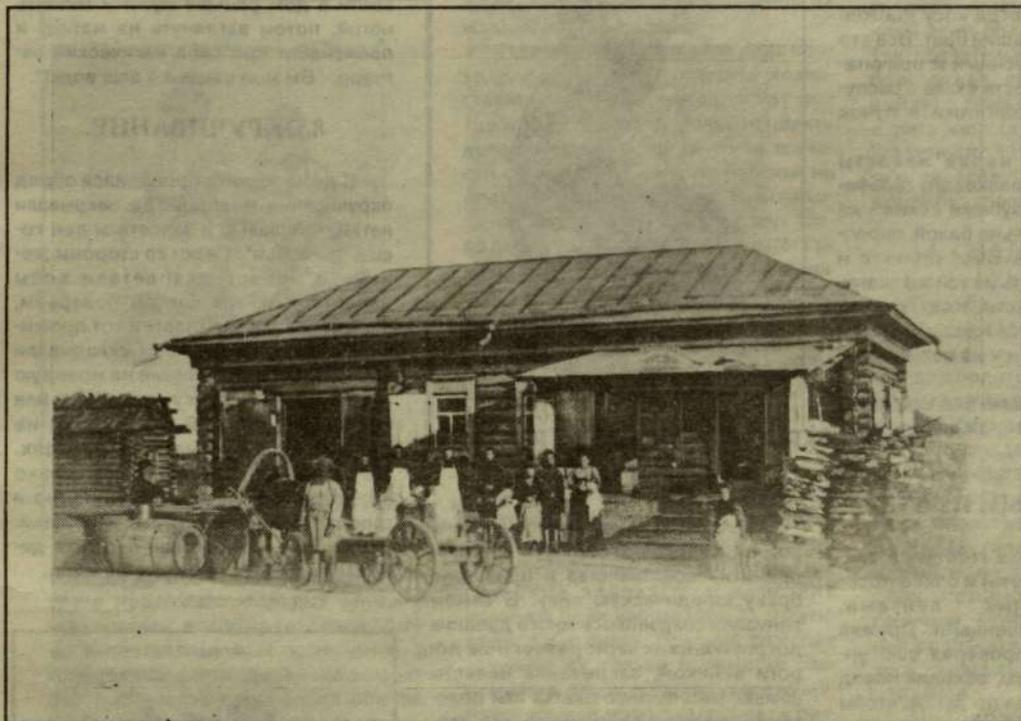
связи. А вскоре была запрещена деятельность многих немецких и датских фирм в Сибири. Прекратилась доставка сепараторов. Производство масла стало сокращаться, хотя цены на него в стране стремительно росли. Экономическая разруха периода гражданской войны окончательно подорвала эту отрасль хозяйства Сибири.

Валерий СКУБНЕВСКИЙ

г. Барнаул.

На снимке: маслодельный завод в селе Хлопуново на Алтае. (1908 г.)

Из фондов Алтайского краевого краеведческого музея.



Европе, а конкурировало оно с датским и голландским, английским и австралийским. Эта конкурентоспособность объяснялась низкими ценами и хорошим качеством продукции. О качестве свидетельствует состав сибирского масла, средние показатели за 1906 - 1910 годы таковы: жира содержалось 85,6 процента, воды - 11,6, соли - 1,7, прочих веществ - 1,1 процента. Превышение содержания воды и соли не допускалось, и такое масло экспортерами браковалось, поступало по более низким ценам на местный рынок.

Некоторые авторы пишут, что иностранные фирмы спекулировали, грабили сибирских крестьян, скупая масло по низ-

крестьян, каким оно было вплоть до 90-х годов XIX века, быстро становилось товарным, обращенным к рынку, животноводство из экстенсивного превращалось в интенсивное, росло умение и заинтересованность в работе крестьян, общая производственная культура. В Томске, Барнауле и других местах открылись молочные лаборатории, которые осуществляли методическую помощь владельцам, печатали буклеты и листовки с рецептами правильного изготовления масла. Здесь же оценивалось и качество продукции. Устраивались курсы и школы, где готовили мастеров. Маслоделие стало основой для мощного кооперативного движения в регионе,

ОТДАВАЛА МЕНЯ МАМЕНЬКА

Окончание.

Начало в номере 1 (3).

Утром в день венчания, после обязательных причитаний, невесту одевали к венцу. При этом особо выделялся ритуал расплетания косы: ее начинала расплетать сестра невесты, затем продолжали подруги, а заканчивала мать. Иногда косу должен был расплетать младший брат. Все это сопровождалось песнями и причитаниями. К венцу невеста ехала с распущенными или связанными в пучок волосами.

Подвенечный наряд невесты раньше состоял из шелкового сарафана с рубахой, а на рубеже веков - из светлой, необязательно белой, парочки - юбки с кофтой. Было принято и рубашку жениху шить из той же ткани, что и парочка невесты, подчеркивая их общую судьбу. На голову невесты одевали вуаль и венок из искусственных цветов.

Особыми приемами благопожелательной магии сопровождалась и укладка сундука.

6. СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД.

А в доме жениха готовился свадебный поезд, до семи и более повозок, украшенных лентами, колокольцами и бубенцами. Дружка собственноручно проверял всю упряжь, читал заговоры, обходил поезд с иконой, постукивал по дугам, чтобы звенели колокольчики, а иногда и стрелял в воздух из ружья, отпугивая злые силы.

Во многих селениях существовал обычай загораживать дорогу свадебному поезду и требовать выкуп. Поэтому дружке приходилось выкупать и ворота во двор невесты. Выкупать следовало и украшенную елочку-символ девичества, и девичью косу, и место около невесты. В некоторых местах требовали выкуп за домашнюю работу, которую выполняла невеста в девичестве. Общее число выкупов со стороны жениховой родни доходило до 8-10.

Потом родственники невесты усаживали поезжан за стол и угощали, но жениху есть не полагалось. Невеста, выходя из-за стола, старалась потянуть за собой скатерть, чтобы ее подруги не засиживались в девках.

Из-за стола жениха с невестой благословляли родители невесты, после чего все выходили к свадебному

поезду. Невеста к венцу ехала в своей повозке, на лошадях родителей, в сопровождении своей свахи, обычно крестной матери.



7. ВЕНЧАНИЕ.

Церковное венчание вошло в народный свадебный обряд со времени принятия христианства и придавало браку юридическую силу. В самом венчании сохранилось много древних дохристианских черт: разметание дороги венником, закрывание невесты шалью, расстилание платка или полотенца под ноги. По примете, кто первым наступит на растеленный платок, тот и будет иметь верх в семейной жизни.

Венчальные свечи хранились в семьях до самой смерти.

Из церкви молодые, уже в одной повозке, ехали в дом родителей жениха. Там их перед крыльцом благословляли: отец - иконой, мать - хлебом. Новобрачные кланялись родителям в ноги, стараясь это сделать одновременно, чтобы жить согласно. В других вариантах - откусывали по куску хлеба, кто больше. Для пожелания молодым богатства и большого потомства было принято осипать их зернами пшеницы или ржи, хмелем или конфетами, под ноги настилать сено, а на лавку - войлок или шубу. В некоторых местах существовал обряд "раскрывания" молодой, когда с нее снимали шаль или фату. Потом молодую три раза обводили вокруг стола, как и в церкви вокруг аналоя, приоб-

щая таким образом к домашним духам нового дома.

При входе в дом мужа новобрачная спешила выполнить ряд магических обрядов, направленных на обеспечение своей будущей благополучной жизни в семье мужа. Этому ее научили накануне свадьбы опытные родственницы: молодой надо было успеть первой наступить на порог, войти в дом раньше мужа и топнуть ногой, потом взглянуть на матицу и произнести про себя магический заговор: "Вы мои овцы, а я ваш волк!"

8. ОКРУЧИВАНИЕ.

В доме жениха проводился обряд окручивания молодой. Ее закрывали натянутой шалью и заплетали две косы - "по-бабьи". Свахи со стороны жениха и невесты заплетали косы наперегонки, так как по поверьям, чья сваха первой заплетет, тот проживет дольше. Затем косы укладывали вокруг головы и надевали на молодую специальную шапочку - повойник, или кокошник, который отныне она не должна была снимать при людях. Женщина-простоволоска не только вызывала всеобщее осуждение, но и грозила принести беды и несчастья. Этот обряд знаменовал переход девушки в группу замужних женщин.



9. СВАДЕБНЫЙ ПИР.

Во время свадебного пира молодая одаривала родственников мужа, называя свекра батюшкой, а свекровь

ЗАМУЖ ДАЛЕКО



матушкой. Угощения на столах сменялись одно другим: в некоторых местах полагалось сменить несколько скатертей на столах, с каждой из которых подавалось новое блюдо. Молодым не подавали вина, да и есть они практически не могли, так как им давали на двоих один стакан и одну ложку.



Еще до окончания пира дружка и свахи провожали молодых на брачную постель, которую готовили обычно в неотапливаемом помещении, в горнице или клетки. Довольно широко был распространен древний обычай, чтобы молодая жена разувала мужа.

На утро следующего дня происходило "бужение молодых". В прошлом же распространен был обычай выносить и даже вывешивать на всеобщее обозрение рубашку молодой, как доказательство ее непорочности. Позднее это чаще всего заменялось вывешиванием красных лент, платков, повязыванием красных бантов и в избе, и на дугах лошадей при катании. В случае же "нечестности" невесты позор обрушивался на ее родителей: им подавали вино в разбитой рюмке, надевали на шею хомут, на ворота дома вывешивали разбитый горшок.

10. МОЛОДУХИН СТОЛ

Второй день свадьбы назывался "молодухин стол", или "блинчатый стол". Молодая снимала свой свадебный наряд и надевала другое платье тоже нарядное и светлое. В этот день молодожены показывали свои спо-

собности и умение угощать, а гости одаривали молодых.

Второй день часто проходил в доме родителей невесты, тогда же в дом жениха везли приданое на специальном возу. Молодая сама пекла блины, подносила всем по рюмке вина, целовала гостя и получала подарок или деньги. В сибирских селениях было принято дарить на свадьбу скот, а дружка записывал сковородником на матице, кто что подарил.

На второй или на третий день проводили шутовское испытание хозяйственных навыков молодухи: от нее требовали разжечь печь, напилить дрова, подмести пол. А гости всячески старались мешать ей: бросали на пол сено, солому и опилки, били горшки, бросали мелкие деньги в сор. Молодой муж должен был помогать жене. Потом сор убирали и не дай Бог найдут не подобранные монетки: значит, жена - неряха, а муж - ротозей. В тот же день часто совершали ритуальное похищение невесты или ее обуви и требовали выкуп с жениха.

11. СВАДЕБНОЕ РЯЖЕНИЕ.

В завершение свадьбы широко распространено было ряжение - древний народный обычай. В прошлом такое переодевание носило магический характер, а действия ряженных были направлены на отпугивание злых духов. Позднее ряжение сохранялось только в качестве развлечения, для всеобщего увеселения. Рядились как можно смешнее: в рваную одежду, в вывороченную шубу, мазали сажей лица, брэнчали на заслонках и горшках, вооружались венниками и метлами. Всеобщее веселье вызывали символические игры парных персонажей: старика со старухой, барина с барыней. Рядились медведем, цыганками, шаманом.

12. К ТЕЩЕ НА БЛИНЫ.

Обязательным в заключительные дни свадьбы было посещение зятем, чаще всего без жены, тестя и тещи. Теща угощала зятя и его спутников блинами или яичницей, а также причесывала зятя и мазала ему голову маслом, чтобы он сильнее любил дочь. После трапезы в доме тещи зятю полагалось разбить свою посуду о матицу или об пол. Этот обычай являлся пережитком древней формы клятвы новобрачного перед родителями невесты и духами-хранителями их дома.

13. РАЗГОННЫЙ ПИРОГ.

Свадебный пир чаще всего длился три дня, в течение которых и выполнялись все традиционные действия свадебного ритуала. Нередко в сибирских селениях свадьба продолжалась одну-две недели, с повторением некоторых развлекательных традиционных элементов, с посещением всей родни жениха и невесты. Так обязательно гуляли у дружки и полудружья, свадебный поезд разъезжал из дома в дом. Завершался пир в доме жениха подачей специального "разгонного" пирога. Считалось, что чем веселее пройдет свадьба, тем лучше будут жить молодые.

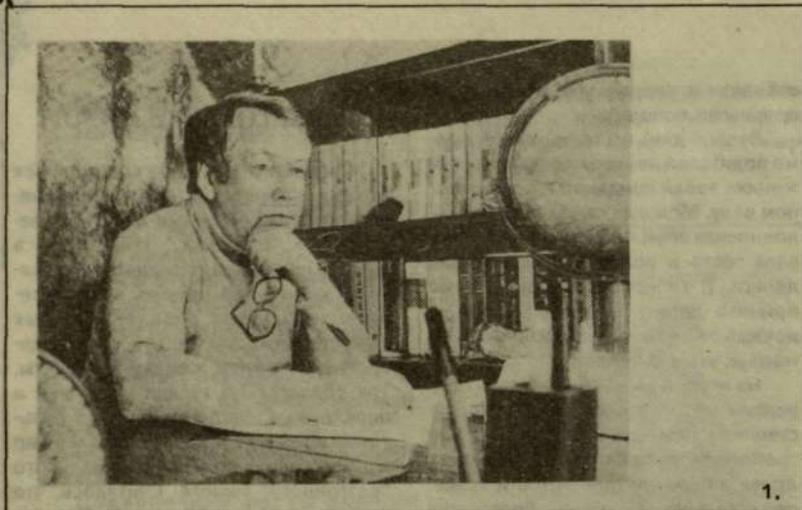
14. СВАДЬБА УБЕГОМ.

Свадьба с соблюдением всех традиций требовала очень много затрат, особенно со стороны жениха. Не всегда и родители соглашались высватать ту девушку, которая понравилась парню. Поэтому нередким явлением в сибирских деревнях был брак убегом, самокруткой. Жених "похищал" невесту с ее согласия, в тайне от родителей невесты, а иногда и в тайне от своих родителей. Только после венчания молодые ехали в дом мужа и просили прощения, что обычно и получали. Потом добивались прощения родителей невесты, и они сдавались, устраивали угощение и давали приданое.

Молодожены жили обычно в семье родителей мужа, иногда два-три женатых брата со своими семьями. После рождения детей молодые могли выделиться в свой дом, который им строили всей семьей.

Прасковья ЕЛИЗАРОВА,
этнограф.





1.

В декабре по томскому, а в последний день февраля - по центральному телевидению был показан фильм томских и новосибирских документалистов "Конец дворянского гнезда. Неизвестный террор". В этом пятидесятиминутном фильме раскрывается трагическая судьба и участь, постигшие сосланных в наши края наследников княжеских фамилий: Голицыных, Урусовых, Волконских, Долгоруковых, Ширинских-Шихматовых...



2.

Пронзительно драматическую историю рассказали нам сценаристы - томич Геннадий Чудный и новосибирец Валерий Новиков.

Особо - о Новикове. В прошлом -

томич, геолог с томским дипломом, начинавший путь в журналистике на Томском телевидении, Валерий Германович почти уже четверть века работает в кинодокументалистике. В активе у него множество номеров киножурнала "Сибирь на экране", документальные ленты "Рассказы о тундре", "Через Сибирь по Енисею", "Берег двух океанов", "Человек и Север" и многие другие.

Около тридцати лет дружны мы с Валерием. Он часто приезжает в Томск для воплощения своих режиссерских задумок. Много лет он реализовывал томские сюжеты рука об руку с кинооператором-томичом, заслуженным деятелем искусств РСФСР В.А.Шварцкопом, ныне покойным.

Вспоминаю, как в очередной приезд в конце 1990 года Валерий был необычно взволнован, взбудоражен. Причиной этому была публикация в томской газете "Сибирские Афины" "Аристократы" журналистки Н.Маскиной, обнаружившей в архиве Томского КГБ потрясающие свидетельства о трагическом конце дворянских от-

прысков в Томске.

"Снимать. Снимать. Снимать."

Приезды в Томск Валерия стали чаще, а пребывания продолжительней. Кропотливая работа в архивах, поиски свидетелей тех тридцать-страшных лет, краеведов, занимающихся розыском материалов о судьбах будущих Героев (с заглавной буквы - В.С.) фильма.

Мой архив достаточно богат материалами томской театральной истории 30-х годов. Но поиски театрального псевдонима князя Александра Голицына долгое время не имели успеха. И все же, "кто ищет, тот всегда найдет". Фамилия Александр Алвегов упоминается в нескольких программах.

Думал ли тридцатилетний Александр Голицын, участвовавший в прологе спектакля "Очная ставка" по пьесе братьев Тур и Л.Шейнина, что очень скоро ему не на сцене, а в стенах НКВД придется участвовать в очных ставках, в трагическом фанта-

магорическом спектакле, поставленном "великим отцом народов", в подавляющем большинстве кончавшемся летальным исходом.

Фильм задумывался в трех частях, т.е. на тридцать минут экранного времени. Но поиск, как любое настоящее творчество, бесконечен. Обнаруженная (великое чудо!) здравствующая ныне

сестра Александра Голицына Елена, (опять же чудом) сохранившийся в семье сына А.В. Голицына от первого брака домашний фотоархив, естественно увеличили метраж фильма на двадцать минут.

Приятно сознавать, что мою маленькую долю поиска авторы включили в фильм. Я бесконечно им за это благодарен. Но недавнее вознаграждение, как говорят, "с лихвой", кото-



3.

ИЗ ГНЕЗДА»



рое я получил от режиссера фильма Валерия Новикова, толкает меня на новое творчество и поиск. Данный материал - выполнение моего долга перед читателями. С разрешения киногоруппы и Александра Александровича Голицына я публикую фотокопии, полученные мной.

Владимир СУЗДАЛЬСКИЙ



4.

1. Режиссер фильма "Конец дворянского гнезда. Неизвестный террор" В.Новиков.



6.

2. Князь Владимир Владимирович Голицын - отец Александра. Сколько благородства в лице!

3. Мать Александра - Танся Семеновна Говорова - из крестьян. Брак с князем считался нонсенсом.

4. Дети князя Владимира Голицына. Слева направо: Александр, Елена, Ольга.

5. Свидетельство о рождении княжеского сына Александра Владимировича Голицына 4 января 1908 года.

6. Княжна Ольга Владимировна Голицына, в замужестве княгиня Урусова. Вместе с мужем Петром Петровичем Урусовым расстреляна в Томске. На снимке: Ольга Голицына с дочкой Ирочкой, умершей в возра-

сте 4-х лет в Петропавловске. Есть версия, что ее загрызли крысы.

7. Княжна Елена Владимировна Голицына. Друзья Александра по ГИКУ часто ее фотографировали, предлагали сниматься, но на экране она ни разу не появилась. Ныне здравствует.

8. Князь Александр Владимирович Голицын, в будущем артист томского драмтеатра Александр Алвегов (Фрагмент групповой фотографии с курсов ПВХО).



7.



8.

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Елецкий Окружный Суд, за силу состоявшийся 24 сентября 1910 года определения своего, и на основании представленных в Окружный Суд документов выдал о свидетельстве сыну Князя Александру Владимировичу Голицыну

записанному..... в метрической книге Сергиевской Церкви села Голицына Ливенского уезда

5.

ПЕРВЫЙ ПРОФЕССОР ТОМСКОГО

(К 40-летию ТИСИ)

Развитие гидрогеологии и инженерной геологии в Сибири тесно связано с именем профессора М.И.Кучина. Он был автором экспертиз крупных строек, под его руководством осуществлялась борьба с оползневыми процессами по линии сибирских железных дорог, производилась оценка ожидаемых притоков рек Кузбасса и Горной Шории и т.д. Жизнь его не была простой, он всегда был в работе, в борьбе за грамотное решение вопросов строительства.

1953 год. Возвратились из Магадана, Норильска, Красноярска и других удаленных от Томска мест репрессированные профессора университета И.К.Баженов, А.Я.Бульников, В.А.Хахлов, М.И.Кучин. Что было там, в тюрьмах и лагерях, они не любили вспоминать. Михаил Иванович, старший из них, был всегда тверд и принципиален в своих мыслях и делах. Не позволял очернять товарищей по несчастью. Пять лет находился он в Красноярской тюрьме. Там навещал его один из учеников с поручением родственников передать теплые вещи. В тюрьме Кучин имел отдельную комнату, где работал и проводил консультации геологов по вопросам строительства.

Вернувшись в Томск, профессора-геологи, как и прежде, в качестве заведующих кафедрами продолжили свою работу. Не повезло М.И.Кучину. Кафедра при университете, организованная им в 1939 году, была закрыта, в ТПИ, где им еще в 1930 году была основана кафедра гидрогеологии и инженерной геологии, место для профессора не нашлось. Думалось о переезде в Новосибирск, но тут поступило предложение из ТИСИ организовать кафедру инженерной геологии, оснований и фундаментов. Так с 1954 года крупнейший гидрогеолог Сибири стал первым профессором инже-

нерно-строительного института, где он работал до конца своих дней.

Автору этих строк довелось учиться в университете, а затем работать в ТИСИ под его руководством. Вспоминаются годы учебы в военное время, кафедра, где мы - студенты - были и лаборантами, и зрителями за помещением, и сами готовили наглядные пособия и учебный материал.

Размещалась кафедра в здании теперешнего ЗАГСа, в прекрасном помещении, но таком холодном в то время. Сколько нужно было сжечь топлива, чтобы едва согреться у печи. Дрова, уголь студенты заготавливали своими силами. В группе гидрогеологов и грунтоведов набора 1939 года из 45 человек осталось семеро девушек. Зимой впрягались в сани и везли дрова из Тимирязевского городка. Наша кафедра была самой уютной и ухоженной. Михаил Иванович человек был строгий, любил порядок во всем. Побаивались мы его, но в то же время был внимательным и добрым к нам. Вечерами топили печь, готовили ужин, занимались при свете коптилки или едва светящей лампочки. Иногда оставались ночевать. Кафедра была нашим вторым домом. Общежитий тогда не хватало, жили угловиками по квартирам.

Учились прилежно, ждали лета, когда начинались полевые практики. Они длились по три-четыре месяца в геологических экспедициях. М.И.Кучин был в то время консультантом по вопросам гидрогеологии и инженерной геологии в Западно-Сибирском геологическом управлении и Сибгипротрансе. Выезжал он к местам проведения работ, а также посмотреть, как проходят практику его студенты. Как же волновалось начальство перед приездом профессора, зная его вспыльчивый характер, когда замечалась небрежность в работе. Все

чистили, приводили в порядок, буровое оборудование и все материалы. По деревне отыскивали нерадивого завхоза. Порядок был полный - профессор доволен, он всегда ценил людей за добросовестное отношение к делу.

Понимал молодежь и уважительно относился к ее интересам, иногда слабостям. Вспоминается один случай. Утро летнего дня. На берегу озера девушка (студентка на практике) исполняет танец белого лебедя. После пробежки по мосткам, поднимает руки и грациозно опускает в воду термометр для замера температуры. Изучался водно-тепловой режим солевых озер Кулунды. Поднимает глаза и видит, что на противоположном берегу Михаил Иванович наблюдает в бинокль необычное зрелище. Студентка боялась на глаза ему попадаться. Но М.И. ничем не выдал, что видел этот чудесный балет, чтобы не смутить ее.

Лекции, которые Михаил Иванович читал студентам, были интересны с примерами из его практического опыта. А опыт был немалым. Работал по наблюдению устойчивости оползневых массивов в Поволжье, Крыму, по обследованию карстовых областей (лошадь провалилась в карстовую пещеру), по выбору и изучению инженерно-геологических условий для размещения Кузнецкого металлургического комбината. Под его руководством и при участии составлены карты солевых озер Барабы и Кулунды. Обследована Белокурихинская радиоактивная зона в связи с перспективой развития курорта Белокуриха (как знак уважения, на курорте есть стэнд, посвященный М.И.Кучину). Внедрено водоснабжение города Барнаула за счет артезианских вод. "Какое это зрелище, - рассказывал он, - когда из скважины вырывается мощный фонтан воды. Стекая по ложку к реке Барнаулке, вода за счи-

ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА

таннные часы проделывает русло шириной в 10-15 метров". Эти, да и многие другие примеры приводил Михаил Иванович на лекции, говорил живо, интересно, слово едва успевало за мыслью. На доске тонким мелком рисовал схемы, которых не встретишь в учебниках. Чтобы

нований и фундаментов". Выписывались и осваивались сотрудниками новые приборы и методики по исследованию грунтов для строительства. Проводились натурные и лабораторные испытания свай в различных условиях. В результате в конце пятидесятих годов

го учебного мастера Д.А.Нетеева, человека пожилого, обстоятельного. Даст денег и скажет: "Дмитрий Андреич, позаботьтесь." Коллектив был большой, человек тридцать. Что-то готовят женщины, Михаил Иванович вместе со всеми за столом, веселье, смех, шутки.

К профессору Кучину для решения сложных вопросов, связанных со строительством и изысканиями, обращались не только томичи, но и ученые и практики из многих городов Сибири. Он категорически был против застройки правого оползневого берега Томи, предлагал создать там парковую зону. Если бы городские власти и строители прислушались к этим рекомендациям, не пришлось бы теперь закапывать в землю миллионы для предотвращения развития оползней.

Михаил Иванович Кучин был крупным ученым-практиком и его вклад в становление и развитие гидрогеологии,

инженерной геологии и фундаментостроения в Сибири не остался бесследным. Им оставлено большое количество научных трудов. Начатое им дело продолжают ученые, сотрудники кафедр ТИСИ, ТПИ и научно-исследовательских институтов.

В. АНТИПОВА,
ветеран труда ТИСИ.

Рисунок автора



успеть это все схватить, заинтересованные студенты старались занять первые места в аудиториях. Как и в работе, не терпел небрежности студентов к учебе. На экзаменах часто не ставил двойку, отправлял доработать материал. Работе на кафедре ТИСИ Михаил Иванович уделял большую часть времени. Он являлся редактором учебных пособий, по его схемам изготавливался наглядный материал. Была организована проблемная лаборатория "Ос-

в Томске стали внедряться свайные фундаменты, как более надежные и экономичные.

В распоряжении сотрудников и студентов была его личная библиотека, которую он перевез на кафедру. К профессору обращались в случае материальных затруднений студенты, и отказа никогда не было.

Не любил праздников: "делу - время, потехе - час". Но умел организовать отдых сотрудников. Вызовет, бывало, старше-

О ВАСИЛИИ МАРКОВИЧЕ

В первом номере журнала "Природа" за 1973 год Иван Иванович Канаев кратко проанализировал книгу В.М.Флоринского "Усовершенствование и вырождение человеческого рода", изданную в Петербурге в 1865 году, и пришел к выводу, что изложенные в ней мысли позднее легли в основу науки, называемую сейчас медицинской генетикой. Канаева заинтересовала личность Флоринского, но он - историк отечественной науки -

грессивной деятельности, что дают возможность воссоздать всю его жизнь и заслуги на пользу Отечества.

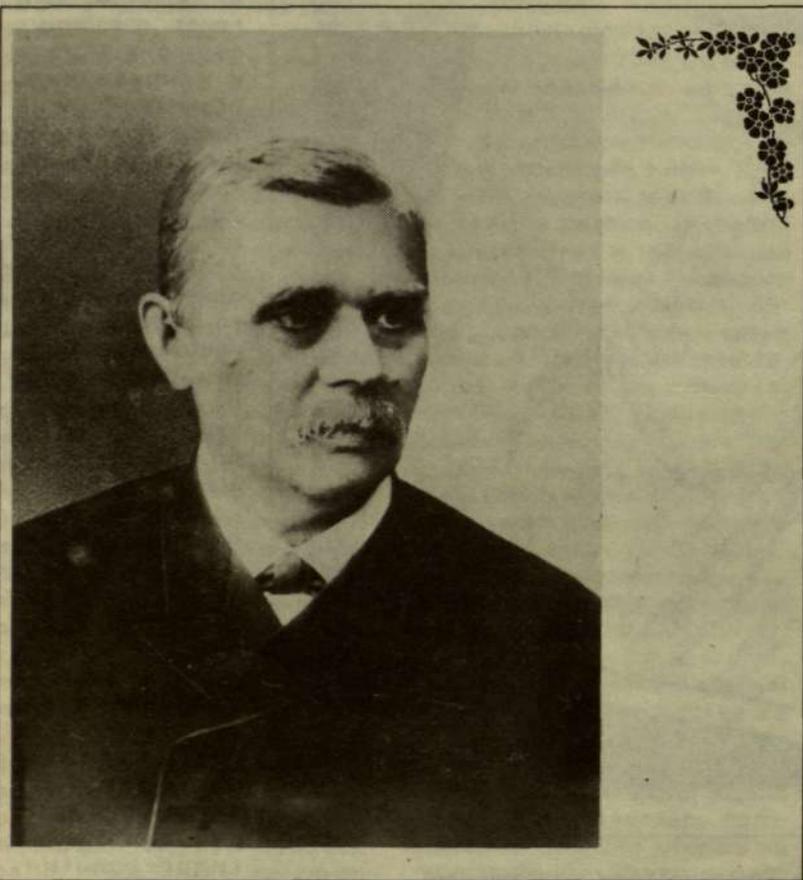
Так кто же такой был Флоринский, и почему краткий очерк о нем я счел желательным поместить именно в "Томской старине"?

Василий Маркович Флоринский родился 16 февраля 1834 года в семье сельского дьякона Юрьевского уезда Владимирской губернии. Спустя три года семья переселилась в заураль-

тора медицины, по специальности акушера и гинеколога и, как лучший воспитанник, был направлен за границу для еще более глубокого усовершенствования. За время пребывания в семинарии и академии Василий Маркович в совершенстве овладел иностранными языками: немецким, французским, английским, греческим и латинским, и без труда общался с коллегами в разных странах. По возвращении в Петербург он стал профессором медицины в Медико-хирургической академии, и уже вскоре был признан одним из ведущих специалистов в избранной им специальности.

В 1875 году Флоринский перешел на службу в Министерство народного просвещения, работал в Ученом комитете. Тогда-то министр просвещения Дмитрий Андреевич Толстой и привлек его к делам по созданию Сибирского университета.

В зиму с 1874 на 1875 год в Петербурге происходило назначение нового генерал-губернатора Западной Сибири Николая Геннадьевича Казнакова. В Петербурге же оказался в то время и один из наиболее страстных поборников высшего образования в Сибири, Николай Михайлович Ядринцев. Он обратился к Казнакову с предложением возбудить вопрос об университете в высших государственных сферах, что и было сделано. При этом оказалось, что и сами власти были уже настроены на воплощение в жизнь давней мечты сибиряков. Тогда же министр просвещения получил указание подготовить необходимые документы и привлек к этому делу Флоринского. Василий Маркович не только понимал значимость университета для Сибири, но и принял самое активное участие в его создании. В министерстве он стал ведущей фигурой в этом деле и взял практически бразды правления в свои руки. Василий Маркович ознакомился со всеми наиболее важными публикациями о Сибири и пришел к выводу, что наиболее подходящим городом для университета является Томск. Вскоре стали возникать трудности. Пять лет продолжалась неопределенность. Одной из главных причин того явилась начавшаяся в апреле 1877 года очередная русско-турецкая война, проглотившая много денег из государственной казны. Появились и противники создания нового университета. У Томска, за который ратовал Флоринский, появился серь-



не смог найти о его жизни и службе практически никаких, интересовавших его сведений, а потому обратился к читателям журнала с просьбой о помощи. Действительно, вряд ли где-то можно было прочитать в последние десятилетия, если не считать тех публикаций, в которых этот деятель относился к числу реакционеров. Однако, меняются времена, меняются и оценки ушедших из жизни людей, и их деяний. В полной мере это касается и Флоринского. В архивах нескольких городов хранятся столь богатые материалы о нем и его неутомимой про-

скую часть Пермской губернии, где отцу было предложено место священника в селе Пески Шадринского уезда. Здесь родители Василия Марковича прожили до конца дней своих, и отсюда их дети - четверо сыновей и две дочери - разъехались по российским губерниям.

Василий начал учебу в Долматовском начальном духовном училище и продолжил ее в Пермской духовной семинарии. В 1853 году он поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию, успешно ее окончил, защитил диссертацию на степень док-



ФЛОРИНСКОМ

езный конкурент. В обход Василия Марковича был подготовлен и передан в Государственный совет для утверждения документ о размещении учебного заведения в Омске. Только благодаря тщательно продуманным и решительным действиям, Флоринскому удалось отстоять город Томск.

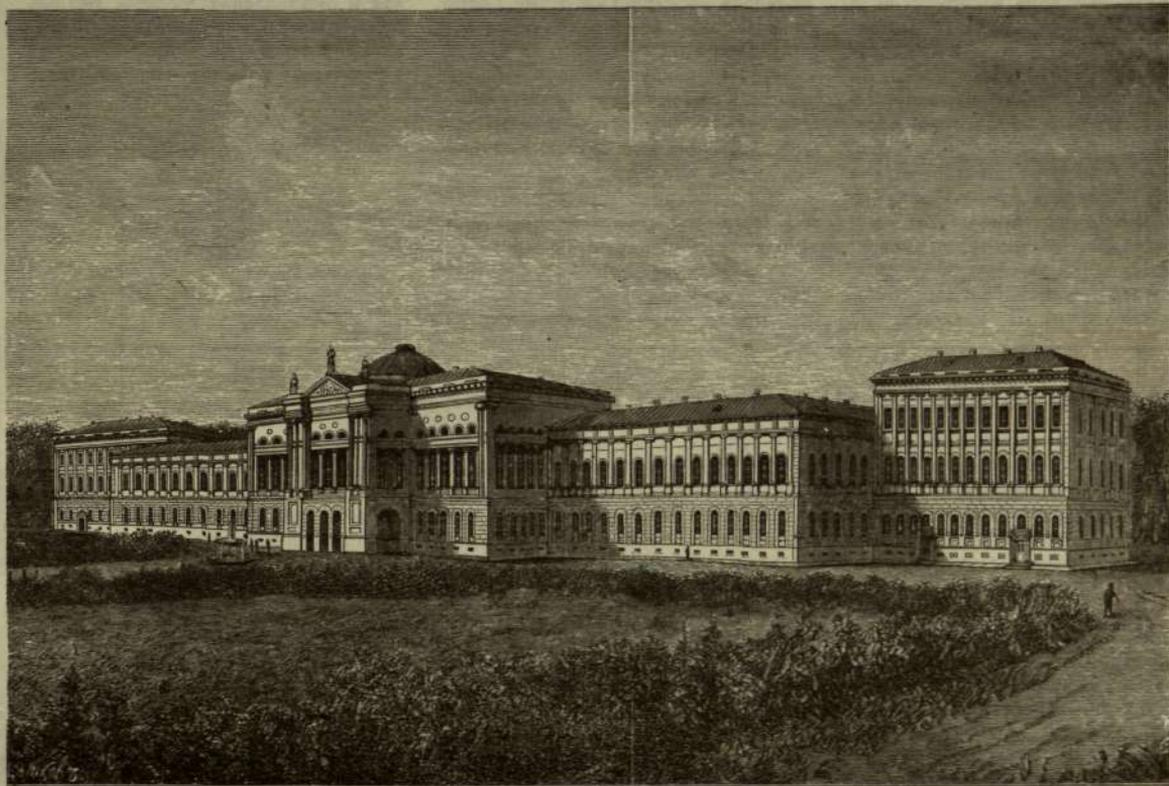
Проект основных зданий сибирского университета был заказан архитектору Александру Константиновичу Бруни. Но предварительно его набросали на бумаге Флоринский и его друзья из Петербургского универси-

руководителем строительства стал Флоринский, на которого члены комитета взвалили основную часть дел. Все прислушивались к его указаниям и советам. К нему стекалась вся информация, он ежегодно отчитывался перед министром о ходе строительных работ.

К осени 1885 года университетское здание было готово, и в следующем году предполагалось открытие университета. В связи с этим, в том же, 1885 году, был образован Западно-Сибирский учебный округ с цент-

лось за ним. Со многими профессорами, пожелавшими приехать в Томск, Василий Маркович имел предварительную договоренность, и они прибыли к 1 сентября.

Попечитель был наделен большой властью. Он не подчинялся ни губернаторам, ни генерал-губернатору. Его непосредственным начальником был министр просвещения, находившийся за пять тысяч верст от Томска. Получив большие полномочия, Флоринский использовал их в интересах развития не только высшего, но и



Будущее здание Сибирского университета из Томска.

тета - Дмитрий Иванович Менделеев и Филипп Васильевич Овсянников. Василий Маркович полагал, что преподавателям виднее целесообразность размещения учебных и вспомогательных помещений. Набросок этот с целым рядом поправок архитектора и был воплощен в жизнь.

В 1880 году был образован Строительный комитет из пяти (позднее из шести) человек под председательством Томского губернатора В.И. Мерцалова. Однако фактическим

ром в Томске. Попечителем его назначили Флоринского. Учебный округ простирался на огромной территории от Северного Ледовитого океана до высокогорий Тянь-Шаня. И от Зауралья чуть ли не до реки Енисей. Высочайшее повеление государя Александра III об открытии университета, пока в составе одного медицинского факультета, последовало только 25 мая 1888 года. В документе университет назван Томским, и с этого времени такое название закрепи-

среднего и начального образования. Однако, порою он превышал свои полномочия и тем вызвал немалое неудовольствие. По его настойчивой просьбе была закрыта в 1888 году "Сибирская газета", пользовавшаяся популярностью у читателей. Иногда он, без особых на то надобностей, вмешивался в дела ректора университета. Порой Флоринский проявлял излишнюю строгость и нервозность, будучи председателем, им же самим созданного, Общества естествоиспытателей

и врачей при Томском университете. Министр просвещения вынужден был даже командировать в Томск своего представителя для выяснения дел на месте...

Всю жизнь Флоринский занимался научной работой и показал себя талантливым исследователем. До начала 1880 годов его главным увлечением была медицина, а затем он постепенно переключился на археологию, в которой был самоучкой. Тем не менее, и в этой науке он достиг больших успехов. Флоринский - автор около двух десятков довольно объемных книг. Печатался он также в общественных и литературных газетах и журналах, публиковал пространственные рефераты новейшей иностранной литературы по своей специальности. Мною выявлено более 250 его публикаций, рассеянных в разных изданиях, но это пока не полный перечень.

Летом 1898 года Флоринский, в связи с тяжелой болезнью (в последние годы он страдал астмой и сердечной недостаточностью), подал министру просвещения прошение об отставке и в конце августа уехал с женой в Петербург для ее оформления. Незадолго до отъезда попечителя Томская Городская Дума избрала его Почетным гражданином Томска и возбудила ходатайство перед высшей государственной властью об утверждении этого решения. Государь император Николай II 20 сентября 1898

года удовлетворил просьбу, о чем было сообщено Томскому губернатору.

В Петербурге болезнь у Флоринского быстро прогрессировала. Не успев оформить отставку и пенсию, Василий Маркович скончался утром 3 января 1899 года. Тело усопшего было перевезено в Казань и погребено на небольшом кладбище Спасо-Преображенского монастыря, на территории Казанского кремля. В этом городе жила его дочь Ольга с мужем. В Казани собирались поселиться и супруги Флоринские после выхода на пенсию.

В 1906 году в журнале "Русская старина" были посмертно опубликованы "Заметки и воспоминания В.М.Флоринского", в которых много внимания уделено истории создания Томского университета. В том же году в Томской газете "Сибирская жизнь" за 29 октября, 1 и 2 ноября появился пространственный отзыв Григория Николаевича Потанина на это произведение. Автор дал самую скверную оценку не только публикации, но и самому Флоринскому, который, якобы, полностью исказил все события и присвоил себе заслуги других людей. Эта статья дала еще один повод некоторым последователям Г.Н.Потанина отрицательно оценивать деятельность В.М.Флоринского.

Я высоко ценю Потанина, как выдающегося путешественника и ученого, однако не могу не сказать, что

многочисленные архивные документы не подтверждают ни одного его обвинения в адрес Флоринского. Поэтому-то считаю необходимым опубликовать свой материал именно в "Томской старине".

Евгений ЯСТРЕБОВ,
г.Мытищи, Московская область.

Евгений Вениаминович Ястребов - известный в стране автор "краеведческого" плана. Совсем недавно, например, в Екатеринбурге вышла его книга (в соавторстве с Н.П.Архиповой), посвященная истории открытия Урала и изучения его природы от давних времен до наших дней. Книга вышла уже третьим изданием.

Последние несколько лет Е.Ястребов занимается детальным изучением жизненного пути Василия Марковича Флоринского. Много работает в архивах и библиотеках Москвы, Казани, Томска. Итогом его исследований явилась книга о Флоринском, выходящая в 1993 году в Томском издательстве.



МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ "ТОМСКОЙ СТАРИНЫ".

Размышления над списком правителей.

С удовольствием прочитал первый выпуск "Томской старины" и задумался над опубликованным в нем "Списке правителей Земли Русской от Гостомысла до Горбачева". Обращают внимание некоторые странности списка: включен "декоративный" царь Симеон Бекбулатович, но не включен Иван У Алексеевич, тоже, правда, "декоративный", но по крайней мере, царский сын. Включены царица Софья и митрополит Алексей, вероятно, на том основании, что они были фактическими правителями Руси, но почему же тогда обидели Меншикова и Долгорукова?

Понятно, что составление подобных списков - трудное дело, так как нелегко отличить титульного правителя от фактического. Поэтому все придирки такого рода носят несколько условный характер. В смутное время, например, царей было больше, чем сейчас президентов. В одних только Лжедмитриях легко запутаться (два канонических - Расстрига и Тушинский вор - и невесть сколько случайных), а ведь были еще царь Гаврилка, царь Ерошка, царь Петрушка, царь Илейка (двух последних, впрочем, представлял один человек). Одних "царей" признавало полстраны, других - город или волость, третьих - сотня казаков, четвертых - вообще никто.

Бог с ними.

В следующее - советское смутное время - неясностей не меньше. То ли следует брать титульных глав государства и выстраивать цепочку Каменев-Свердлов-Калинин-Шверник и т.д., то ли брать руководителей "направляющей силы" - генсеков. Составители списка предпочли второй путь, но и здесь остаются неясности. А кто правил государством вместо тяжело больных и недееспособных Брежнева и Черненко? Неизвестно.

А вот кому действительно не повезло и в истории, и у составителей списка, так это сыну Дмитрия Донского Юрию Дмитриевичу, который два раза (апрель-сентябрь 1433 и апрель-июнь 1434 годов) сидел Великим князем на Москве. Когда его старший брат Василий Дмитриевич передал по завещанию своему сыну Василию (будущему Василию Темному) великое княжение Московское, Юрий Дмитриевич был возмущен до глубины души и пошел со своей дружиной воевать Москву. Завещание князя Василия противоречило старинному порядку престолонаследия - от старшего брата - к младшему.

Юрий Дмитриевич занял Москву, стал Великим князем, но вскоре разболелся и умер. Его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка долго еще боролись с Василием Васильевичем за великое княжение, каждый из них побывал Великим князем, но не долго. Жаль князя Юрия...

Победа Василия Васильевича узаконила порядок престолонаследия от отца к сыну и отсрочила конец Золотой Орды. Ингода в ней усматривают и начало тоталитаризма в России. Как будто мужественные и энергичные московские феодалы добровольно пошли в подчинение к бесцветному Василию Васильевичу. Скорее другое, у них было большое и важное дело - собиранье Русской земли, а Великий князь нужен был как знамя, как символ этого дела...

В.В.СЛУХАЕВ.

ОБИДЕЛСЯ

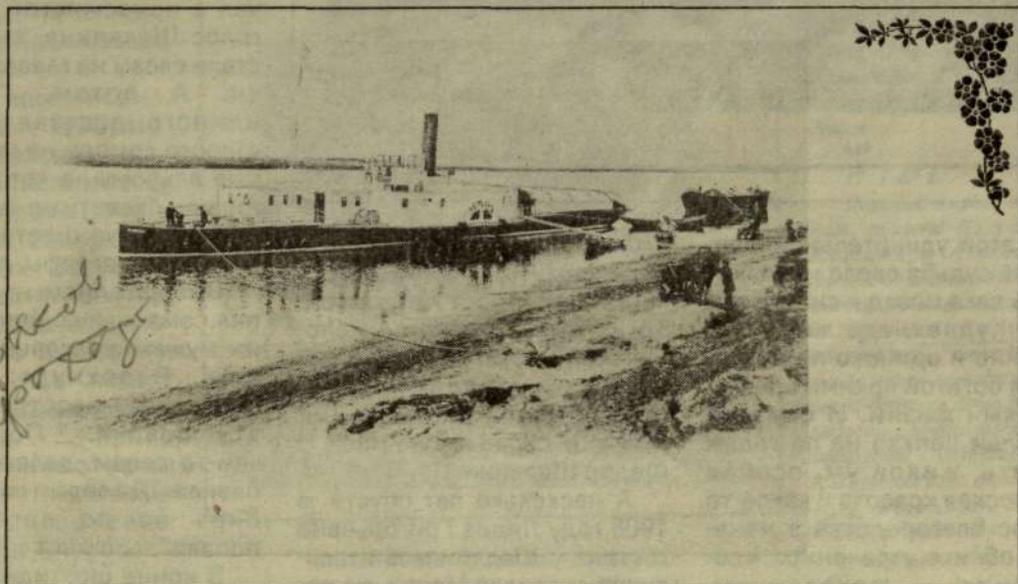
Издавна у нас бытует представление о купцах, как о людях ничем не брезговавших ради наживы. Но документы говорят о другом: встречались и среди купечества натуры легкоранимые. Вот, например, Иван Игнатьевич Некрасов. (Не путать с Иваном Максимовичем Некрасовым, полной противоположности своему тезке!)

Удачливый золотопромышленник, имевший прииски в Томской и Енисейской тайге, И.И.Некрасов владел и не-

далов, который имел собственный небольшой пароходик "Вьюн". Он ходил как бы парой с "Николаем". И у публики создалось обманчивое впечатление, что Гадалов не служащий, а компаньон Некрасова, а, следовательно, и совладелец "Николая". По-видимому, сам Гадалов не стремился кого-либо разубеждать. Так или иначе, но во время рейса с царственным путешественником, Гадалов "был удостоен знаками внимания" со стороны "высоких особ", а

в местной газете говорилось: "Изъятие из нашей Сибири крупных капиталов и предприимчивости кровного сибиряка, молодого и энергичного человека г.Некрасова - факт печальный и мы одобрить его никак не можем".

Покинув Томск, И.И.Некрасов все же не забывал свой родной город. В 1894 году он передал томскому губернатору о своем желании устроить в Томске электроосвещение на собственный счет. Но, выяснив стоимость эксплуатации



сколькими пароходами. Самым лучшим из них был, несомненно, "Николай". Красиво обставленный, быстроходный этот пароход к тому же первым на Оби стал освещаться электричеством. Не случайно поэтому летом 1891 года некрасовский пароход был избран для того, чтобы перевезти путешествовавшего наследника российского престола, будущего императора Николая II, из Томска в Омск. Тогда-то и произошло недоразумение.

У И.И.Некрасова служил в качестве доверенного лица красноварский купец А.Н.Га-

истинный владелец парохода остался незамеченным. Даже не смотря на то, что Некрасов пытался открыть глаза публике через публикацию в газете.

Разобиженный купец решил бросить в Сибири все дела и уехал в Москву. В газетах появились объявления о продаже некрасовских приисков, а злополучный пароход "Николай" перешел во владение к колыванскому купцу Жерновкову.

Конечно, для Сибири отъезд Некрасова был большой потерей, и это вполне осознавали сибирские патриоты. В заметке об отъезде Некрасова

будущей электростанции, городская Дума отказалась от этого предложения за неимением необходимых средств. Известно, что городскую электростанцию вскоре выстроили и содержали члены акционерного общества.

А пароход "Николай" прослужил своему новому владельцу всего один сезон и осенью 1892 года, идя на зимовку, потерпел сильную аварию у села Дубровина, на Оби.

Надежда ДМИТРИЕНКО.

"... Ваша "шляпинская" "



С этой удивительной женщиной судьба свела меня четверть века назад в сибирском селе Курлек, где жила она скромно и одиноко на закате своей богатой яркими впечатлениями жизни. И были ей присущи цепкая не по годам память, живой ум, особая старческая красота и какое-то чистое благородство в манерах и облике, утраченное, к сожалению, поколением, рожденным после октября 17-го года.

Итак, Лидия Григорьевна Айвазова-Енуровская. Была она приемной дочерью харьковского миллионера-мецената, большого поклонника оперного искусства. Дом его в Харькове не однажды посещали Сергей Васильевич Рахманинов, Арсений Николаевич Корещенко и, конечно же, Федор Иванович Шляпин. А дядей Лидии Григорьевны был Михаил Акимович Слонов, композитор, певец, педагог, руководитель хора.

В 1903 году, когда Шля-

пин приехал на гастроли в Харьков, он остановился в доме семьи Лидии Айвазовой. Тогда-то и подарил он молодой институтке свою фотографию с надписью "На память милой барышне Лидочке от сердца. 29-11-903 г. Федор Шляпин."

А несколько лет спустя, в 1908 году Лидия Григорьевна гостила у Шляпина в итальянском городке Монцо, на родине жены певца Иолы Игнатьевны Торнаги. И так сложилась жизнь, что судьба часто сводила Лидию Григорьевну с великим певцом. Приходилось ей слушать Шляпина на сценах Петербургских и Московских театров и в Парижской "Гранд-Опера", в Ницце и Монте-Карло, в знаменитой Миланской "Ла-Скала".

Помню, как-то приехали мы с журналистом Иваном Погуляевым к Лидии Григорьевне в Курлек, привезли магнитофонные записи шляпинского голоса. Боже, надо было видеть, как молодо за-

блестели ее глаза, как встрепенулась она, когда услышала своего кумира! А когда прощались на крыльчке ее убогого домишка, она шептала нам сдавленным от волнения голосом: "Благодарю, благодарю вас за чудесные минуты! Привезите в следующий раз "Элегию" Массне и "Сомнение". Глинка в Его исполнении. Прошу вас..."

И были новые визиты к "шляпинской" бабушке, как именовала себя в письмах Лидия Григорьевна, снова звучал в приземистой избушке голос Шляпина, снова блестели слезы на глазах старушки. А потом, "отойдя" немного, доставала она из старого комода не менее старые альбомы, в которых хранились "заветные пустячки": редкие полувыцветшие фотографии, автографы, письма.

Вот на одном из снимков она сама в молодости со своим мужем, красавцем-офицером. Вздохнула: "После революции расстреляли его большевики..." Подумала о чем-то своем, далеком, и добавила: "Да ведь и самая в Сибирь не по своей воле попала".

В конце шестидесятых переехала Лидия Григорьевна из Курлека к дочери в Навои. И увидеться нам более не довелось. Был я как-то в Средней Азии, но путь мой прошел мимо Навои. И сейчас не могу простить себе, что не нашел времени заехать тогда к Лидии Григорьевне. Большим упреком мне было одно из последних ее писем: "Дорогой Владимир Алексеевич! Я не сержусь... Бабушка очень стара, а молодость эгоистична, и даже порой жестока... Я так уверена была, что навестите меня. Для доброты нет времени... Лучше не писали бы, что были так близко. Было бы не

бабушка"

так больно. Три банки консервов, приготовленные моими руками - персики, сливы, абрикосы ждали Вас. Я их никому не давала..."

Читаю сейчас эти строчки, написанные дрожащей старческой рукой, и щемящее чувство чего-то утраченного навсегда навсегда охватывает сердце: не вернешь ведь это время, не увидишься более с "шалапинской" бабушкой, не отведаешь ее персикового варенья...

Были еще письма. Светлые. Добрые. Почти в каждом - стихи, переписанные от руки: Баратынский, Ахматова, Северянин, Пастернак. Засушенные лепестки цветов, давно поблекшие, потерявшие аромат, и сейчас еще лежат между страницами ее посланий.

Вот некоторые строчки из писем Лидии Григорьевны Айвазовой-Енуровской.

3.3.66 г. ... Я так одинока... большая старость надвигается, тяжело ее нести. Пока жива, надо выбирать из снегов Сибири - на солнышко. Живу, как всегда, больше прошлым: "Забвенья не дал Бог, да я бы и не взял забвенья". В Курлеке, ул.Тракторная, 46, вы всегда желанные, милые люди, когда вздумаете, когда настроение и возможность - приезжайте. Все ценю, за все благодарю.

До свидания. Ваша старушка.

Р.С. Вы пишете на хорошей бумаге, хорошие чернила, а у нас во всем примитив. Привезите маленький флакон чернил.

12. 2. 66 г. Дорогие внуки! Хотите ли получить стихотворение, написанное рукой Ф.Ив.? В одной из моих "теп-

леньких" - (так называли свои дневники институтки) я нашла этот лист

старушки.

17. 12. 66 г.

Дорогие внуки! так рада была письму от вас. Вы меня уже начали забывать... Если приедете в Новои, то прямо ко мне, здесь найдете у бабушки и отдых, и уют. Вот радио передало, что в Сибири большие морозы, снега, мне жутко за всех вас... Знаете, старушка, у которой я жила в Курлеке, внезапно заболела, она меня вызвала и вскоре после моего приезда умерла... Я много переживала, и так почувствовала неизбежность, величие смерти. Старею... если умру - Вам напишут, как и всем моим друзьям. Не забывайте любящую Вас искренне бабушку.

17. 1. 67 г.

Дорогие внуки, привет Вам, привет! Получила от Владимира Алексеевича письмо со вложением стихов и открытки прелестной Мане "Олимпия". Стихи очень понравились... пишите дальше и хотя иногда шлите своей бабушке. Это большая радость... Много читаю. Под старость - сдурила, вот в К.Паустовского тоже влюблена. Вспоминаю Курлек, тихий спокойный уголок, со-

жалю о нем, о своих цветах, о многом...

7. 2. 67. Дорогой Владимир Алексеевич! Книжку "О Шалапине" Семена Розенфельда получила. Это тонкое внимание с Вашей стороны... Хорошо, что бандероль послали простой, заказную вернули бы Вам. Я по паспорту Вильгельмовна, по родному отцу, а в жизни всегда Григорьевна. Я ведь приемная дочь миллионера Енуровского, родителей своих не знала. Когда -нибудь напишу о детстве. А сейчас целую Вашу чудесную голову и жду обещанного. Вы больше всех внуков балуете свою старушку. Новая книжка... будет на моем столе до смерти. Вот бы достать книгу "моего учителя" - Л.Н.Толстого.



ток... В 1908 году при нашей встрече в Монте-Карло, сидя в казино, он вынул свой блок-нот и быстро написал стихотворение, им в это утро сочиненное. Он сказал, что встав с постели, в халате, стоя у окна, смотрел на море и ему пришли в голову эти строки.

Приезжайте в любой день, после 5 марта, доставьте мне опять радость. Хочу услышать снова "Элегию" Массне и "Сомнение" Глинки в исполнении Фед. Ив. Желаю Вам быть всегда в полной форме и творить добрые дела для людей.

До свидания. Бабушка "шалапинская".

17. 3. 66 г. ... Ваша прелестная вазочка стоит на моем столе, всегда напоминает о ставших мне дорогими людях.

Примите теплый привет от своей

20. 2. 67 г.

Дорогой Владимир Алексеевич! Получила Ваш драгоценный подарок. Спасибо за неизменное внимание. Одновременно мне прислала из Ленинграда внучка большая статья Андронникова о Шаляпине... Тонкие наслаждения дает Андронников - это великий ум, и он сообщает даже простым словам глубокое, волнующее значение.

Много читаю, большая переписка. По Сибири все же скучаю, хотя она и не моя родина. Курлек и Томск в сердце. Здесь весна запаздывает, цветет только урюк. Посылаю крошечную веточку.

От Ирины Федоровны получила письмо. Она ездила в Уфу, где устанавливали доску в память Ф.И. Шаляпина. С музеем дела у ней продвигаются, слава Богу.

Пишите скорее. Ваша бабушка.

18. 3. 67 г.

Дорогой Владимир Алексеевич! Получила два Ваших письма, так быстро, одно за другим... Два стихотворения Пастернака... дали радость. Приезжайте непременно навестить бабушку. Всегда помню и люблю.



14. 4. 67 г.

Дорогой Владимир Алексеевич, наконец дождалась весточки, теперь знаю, что живы, здоровы. Посылаю Вам цветочки персиков и "отголоски" своего юбилея (80 лет!) Этот день, несмотря на груз старости, я была в отличном настроении. Стол мой был, как клумба, весь в цветах. Много телеграмм, подарков. Вечером отмечали.

Даже я выпила "Сливянку". Пошел 81-й год, пора и на покой...

Ирина Федоровна ездила в Киев, но и там меня не забыла. Жаль, что я уже такая старая, а то съездила бы к ней в Москву погостить. Целую Вас... Не забывайте свою "шаляпинскую" бабушку.

P.S. Посылаю на память марку - с моим незабвенным.

29. 5. 67 г.

Что здесь нового? Все Навои в розах. Приехали артисты-венгры, выступали... здесь - чудесно! Посылаю сухие розы, у меня на столе всегда благоухают любимые нежно-розовые "la France". Очень люблю птиц. Здесь такие дивные горленки, они мне очень нравятся, так мило воркуют, уже на рассвете залетают, и все парочками, на балконе. Я их подкармливаю.

28. 10. 67 г.

Спасибо за письмо и за такое милое внимание, за "Березки". Мне так понравилось содержание, эта книга будет радостью для меня до смерти... Лишние "Березки" будут посланы Ирине Федоровне и Юрию Слонову.

... 7 ноября телевизор передавал фильм о Шаляпине. Показаны были похороны его в Париже, могила, много редких фотографий. Звучали лучшие его арии, романсы. Многое мне вспомнилось... Я не собираюсь уезжать из Навои, здесь мысля и умереть. Передо мной в вазочке Вашей (она со мной) розы - серебристо-розовые, шлют привет!..

20. 12. 67 г.

Дорогой внук! Очень интересная статья о Шаляпине, спасибо. Посылаю письмо И.Ф. Шаляпиной. У нее почерк непонятный, некрасивый, я поправила кое-где. Смотрела фильм, о котором пишет И.Ф. Не скажу, что он понравился, голос хорошо звучал, но половина фильма - тускло очень, многих я не узнала. Вообще я не удовлетворена, ожидала большего - и все же довольна, что увидела своего незабвенного...

Обнимаю Вас. Ваша бабушка.

31. 3. 68 г.

Дорогой Владимир Алексеевич! Я так потрясена гибелью Гагарина, что писать сейчас совсем не могу. Человека такой сильной души, такой смелости и дерзания - надо было уметь сберечь!.. Как все непрочно на свете! Я смотрела в телевизор его похороны, а 27-го погиб он. Вечная ему память! Напишу, когда отойду. Посылаю листочки персиков и тюльпаны из гор.

25. 4. 68 г.

К 1 Мая шлю привет!.. Желаю здоровья, желаю счастья! У нас лето, цветы, но ничто не радует старое сердце:

все в прошлом... одна грусть.

Карточку прислало, но потом (память о бабушке). Я здорова, но слаба... Помню милую тройку.

Ваша бабушка.

Это было последнее письмо от Лидии Григорьевны. Через некоторое время пришло печальное сообщение от ее внучки: "Бабушки нашей не стало. Уходила она от нас тихо и спокойно. Перед кончиной наказала нам написать прощальные письма всем друзьям, что я и делаю. Горленки на нашем балконе забечут так жалобно, нет бабушки..."

Владимир МАРЬИН.

На репродукциях: Л.Г. Айвазова-Енуровская. с. Курлек, 1965 год.

Фотопортрет, подаренный Шаляпиным харьковской институтке Лиде Айвазовой в 1903 году.

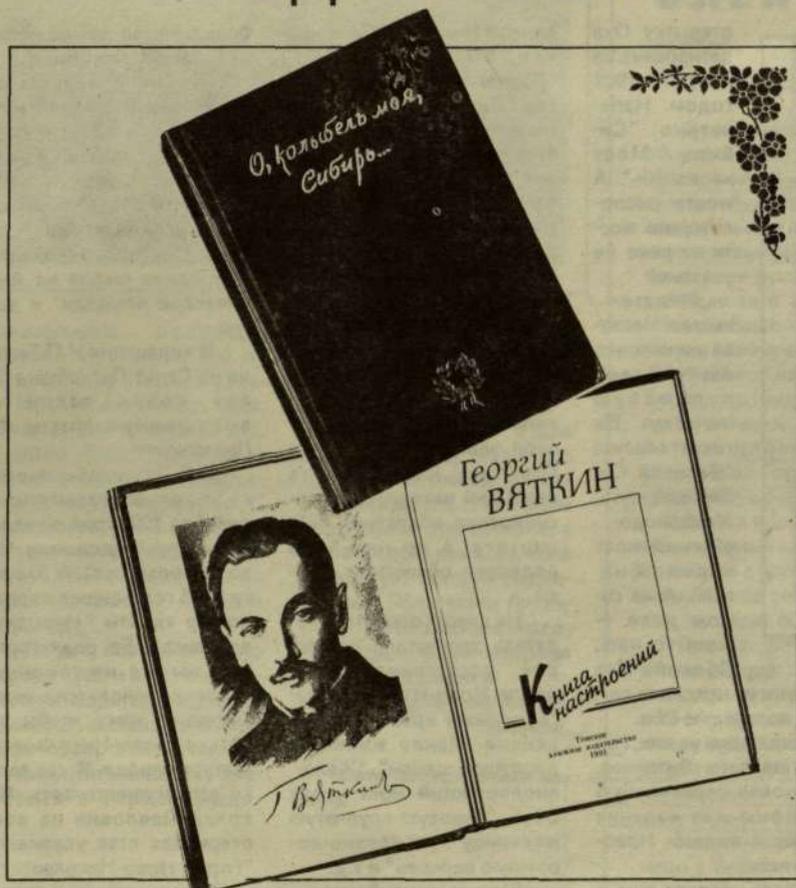
Снимок с автографом Ирины Федоровны Шаляпиной.

Афиши гастрольных концертов Ф.И. Шаляпина.

Снимки из собрания автора и И. Погуляева.



ПОДАРКИ КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ТОМСКА



Хороший подарок краеведам и просто жителям нашего города сделало Томское книжное издательство, выпустив в конце минувшего года два поэтических сборника.

Один из них - "Книга настроений" Георгия Вяткина, известного сибирского поэта, чей творческий путь начинался в Томске: первое свое стихотворение он опубликовал в начале века в "Сибирской жизни", а впоследствии активно сотрудничал с этой популярной газетой и другими томскими дореволюционными изданиями. Здесь вышли три его поэтических сборника "Стихотворения" (1907 год), "Грезы Севера" (1909 год) и "Под северным солнцем" (1912 год). В 1917 году с творчеством томича познакомилась и читатели российской столицы: в Петрограде был издан его сборник "Опечаленная радость". В советское время Г. Вяткин стал одним из наиболее заметных сибирских литераторов, группировавшихся вокруг журнала "Сибирские огни", но печальной памяти 1937 год оборвал его творческий путь: 27 декабря поэт был арестован и менее чем через две не-

дели расстрелян органами НКВД Новосибирской области.

Другая книга, названная "О, колыбель моя, Сибирь..." собрала под своей обложкой двадцать авторов, чье творчество хотя бы краешком соприкоснулось с нашим городом. Среди имен, представленных в нем, А.Н. Радищев, лицейский однокашник Пушкина А.Д. Илличевский, Г.С. Батеньков, поэты-народники Ф.В. Волховский и С.С. Синегуб, а также популярные в Томске в те годы Всеволод Сибирский, тот же Вяткин, Мария Васильева, Петр Драверт, Иван Тачалов, Михаил Цейнер, Валентин Курицын, более известный как автор "Томских трущоб", Порфирий Казанский, Ефим Бахарев, Федор Лыткин и другие.

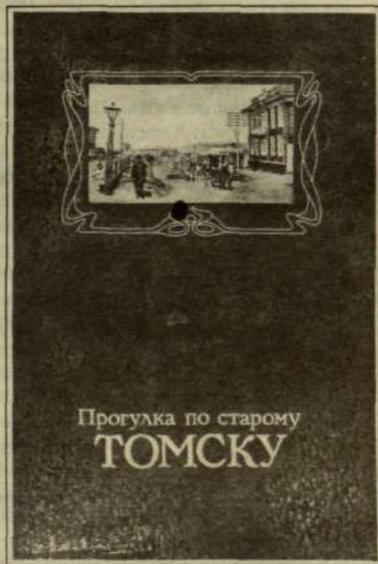
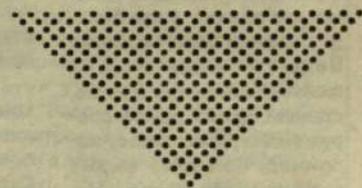
Обе книги с самого рождения обречены стать раритетами: их тираж всего по 1000 экземпляров. Если у вас появилось желание приобрести эти книги, обратитесь в магазин "Букинист". Но не затягивайте с покупкой: можете не успеть...

В. КУПРЕЕВ.

И еще об одном поступлении: Томское книжное издательство выпустило в свет альбом "Прогулка по старому Томску". С помощью открыток, изданных в начале века, нас приглашают взглянуть на Томск в пору его наивысшего расцвета, когда он был крупным административным центром, богатым купеческим городом и, наконец, центром науки, образования и культуры.

В наши, далеко не лучшие времена, город, несомненно, нуждается в объективной истории и в элементарной защите от дальнейшего разрушения. Этими целями и руководствовались создатели альбома — Эдуард Майданюк (составление и текст), Ольга Патрина (художник), Галина Жога (редактор).

Знакомство с альбомом позволит любому из нас с большим уважением относиться к культурному наследию и, в частности, к строительному мастерству наших предков, и, будем надеяться, даст нам силы восстановить и сохранить их творения.



К 100-летию Новосибирска

ИЗДАТЕЛЬ ОТКРЫТОК



С самого начала строительства Сибирской железнодорожной магистрали предприимчивые люди стали фотографировать все этапы этого великого дела. Но, как обычно, у нас бывает: "первый блин - комом!" Ведь строилось столько железнодорожных мостов, станций, депо и других сооружений. Даже такая, например, солидная фирма как фототипия Шерер и Набгольц в Москве издала несколько курьезных видовых открыток. Один из текстов открытки вызывает сейчас невольную улыбку: "Томск. Пристань Обь. Ново-Николаевский поселок".

Ведь, как известно, Томск стоит на реке Томи, а не на Оби. Очевидно, издатели пошли на такую неточность с целью привлечь внимание покупателей. В конце прошлого века никто и не знал о существовании какого-то поселка Ново-Николаевска. А центр огромной сибирской губернии - Томск, был известным городом.

То же издательство выпустило другую курьезную

открытку. Она датирована на обороте 1902 годом. Напечатано: "Сибирь. Мост через Обь". А место расположения моста на реке не указано!

Издательство Чехаяева напечатало еще более курьезную ошибку. Ее текст гласит: "Великий Сибирский путь. Железнодорожный мост через Енисей". А на самом деле — мост-то наш, Обской. Все

эти казусы раздражали патриотов поселка на Оби.

И тогда один из них, Николай Павлович Литвинов, организовал собственную типографию для издания открыток с видами Ново-Николаевска.

Этот человек еще в конце прошлого века трудился в селе Кривошеково помощником фельдшера. Сельский люд был здоровым, и у медика оставалось много свободного времени. Как только на правом берегу построили станцию "Обь", Николай Павлович занялся организацией "Справочного бюро". В "Путеводителе по Великой Сибирской железной дороге", изданном в Петербурге в 1902 году, читаем: "В поселке открыто несколько транспортных контор и справочная контора Литвинова, дающая ответы на запросы о ценах на товар и т.п."

Вверху самой первой открытки, из-

данной Николаем Павловичем, было напечатано: "Привет из Ново-Николаевска!" Вид показывал огромный простор Оби. На берегу ее издатель запечатлел себя и своих "спонсоров": владельца Ново-Николаевского подворья (гостиницы) Сурикова и зерноторговца Кагана.

Затем Литвинов приступил к печатанию номерных серий видовых открыток. Под номером 1 Николай Павлович увековечил свою типографию на Кабинетской улице (теперь улица Советская). На этом месте в наши дни находится Новосибирская областная библиотека, а до нее была редакция областной газеты.

На других открытках издатель запечатлел некоторые достопримечательности Ново-Николаевска: "Каменный храм", "Деревянное здание железнодорожной школы", "Железнодорожный мост через Обь", "Паровую крупчатую мельницу", "Железнодорожную церковь" и т.д.

Оригинально была исполнена новая открытка с текстом "Привет из Н. Николаевска". Каждая буква этого текста была смонтирована из двух ранее выпущенных открыток. Интересно, что в то время

большинство домов поселка были деревянными.

Литвинов печатал открытки и единолично, и совместно с другими издательствами. Так, в моей коллекции есть виды, изданные Литвиновым совместно с Обществом Гранберг в Стокгольме: "Народная школа на Андреевской площади" и другие.

В коллекции Н.П. Тагри-на из Санкт-Петербурга более сотни открыток, выпущенных Николаем Павловичем.

Н.П. Литвинов занимался не только открытками. 6 декабря 1905 года он издал брошюру "годовщина Ново-Николаевска". А 30 марта 1906 года вышел первый номер газеты "Народная летопись". Ее редактором был тот же неутомимый человек. Много сил отдал Литвинов тому, чтобы добиться Ново-Николаевску статуса города. И как только это осуществилось, Николай Павлович на всех открытках стал указывать: "Город Ново-Николаевск".

Жители уважали Литвинова. Долгое время он занимал выборную должность Председателя городской ревизионной комиссии.

Николай Павлович мечтал проявить себя и на ме-





дицинском поприще. Друзья пригласили его на курорт Боровое. Летом 1918 года он выехал туда, работал там несколько лет, а затем снова вернулся в Ново-Николаевск. Положение здесь уже было иное. С большим трудом Литвинову удалось "пробить" издание справочника "Весь Ново-Николаевск на 1924-1925 годы".

Позже все данные по городу власти строго засекретили. Издательской деятельностью стало заниматься совершенно невозможно. Литвинов стал трудиться в горбольнице.

Прожил он около 80 лет. Скончался Николай Павлович в конце 50-х годов и похоронен в Новосибирске.

А его открытки и два справочника, а также его брошюра и газеты до сих пор являются отличным подспорьем для историков и краеведов, для всех, кого интересует история родного края. Почитатели Литвинова добиваются того, чтобы одну из улиц города назвать его именем.

Геннадий МУРЫГИН,
краевед.

Фото из коллекции автора.



Торговый корпус, построенный по проекту А.Д.Крячкова в 1910 году (современный вид).

Сибирские предприниматели

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ДОРОГА

До недавнего времени было принято говорить об ужасающей отсталости дореволюционной российской экономики. Непредвзятый и внимательный взгляд обнаруживает, однако, все новые и новые свидетельства того, что на рубеже прошлого и нынешнего веков российский, в том числе и сибирский капитал охотно усваивал и применял самые новейшие для того времени технические средства. Об этом сообщают, например, две заметки из Томской газеты "Сибирская жизнь" за 1908 год.

В первой из них В.Воложанин сообщал из села Бердского (ныне город Бердск Новосибирской области) следующее: "С 27 октября в селе начала работать подвесная электрическая дорога, устроенная Гороховым, соединяющая его мельницу с пакгаузами на пристани.

Дорога идет на 5 верст, вагоны их проходят за 5 минут. Самые вагончики бегут по обе стороны одновременно с грузом не более трех кулей на высоте 8 саженей над землей. Пока ходит только 30 вагончиков, но будет 60.

Производительность дороги пока 10 тонн пудов в течение дня: по 5 тонн пудов туда и обратно.

Открытие дороги происходило при торжественной обстановке, при большой массе публики. Горохову, прибывшему в Бердск на вагончике, с флагом, была устроена шумная овация: рабочие преподнесли хлеб-соль и качали на руках. Стоимость дороги 80 тысяч рублей".

Недели через две владелец мукомольной мельницы в Бердске С.В.Горохов отозвался на эту публикацию. Он захотел уточнить технические параметры устройства: "Расстояние 4265 метров. 2 смольных каната диаметром 28 мм. на 47 устоях, высота от 3 до 11 метров в зависимости от профиля. Вагонетка берет 3 мешка (15 пудов) на расстоянии 180 метров одна от другой, весь путь проходит за 28 минут. Электрический мотор 16 л.с., за 8 часов при 50 вагонетках по 5 тыс. пудов в каждую сторону".

Виктор МАСЛЕННИКОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Интересно, что С.В.Горохов употребляет в своей заметке метрические названия мер, по европейскому стандарту, в те времена не имевшему в России широкого хождения. Впрочем, о прогрессивности взглядов и намерений С.В.Горохова говорит и то, что в 1916 году он одним из первых в Томске организовал акционерное "Общество сибирских писчебумажных фабрик и лесной промышленности" с основным капиталом в один миллион рублей, начал строить писчебумажную фабрику в Томске. Но события 1917 года помешали реализовать намерение. А то были бы сейчас бумагой и не тужили...

Гавриил Константинович Тюменцев

К 150-летию со дня рождения

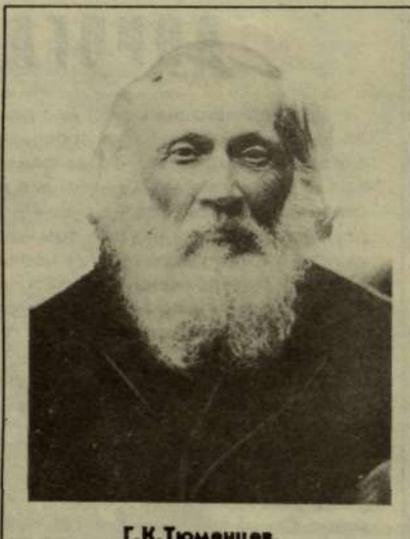
Его знают и помнят отдельные томики, хотя, право, заслуживает он большего.

Гавриил Константинович Тюменцев родился 29 марта 1842 года, учился в Казанском университете, где, получая стипендию, знал, что обязан ее отработать, и не где-нибудь, а в Сибири.

Этим объясняется его ранний интерес к сибирской тематике - со студенческих лет он читает и приобретает книги о нашем крае, а поселившись в 1870 году (и на всю жизнь) в Томске, продолжает собирать совершенно уникальную библиотеку, о которой будет сказано ниже.

Первоначально служба Гавриила Тюменцева заключалась в исправлении должности "воспитателя за приходящими учениками" Томской губернской гимназии, а с открытием в 1877 году Алексеевского реального училища он назначается его директором и пребывает в этом качестве три десятка лет, до 1907 года. Училище размещалось в специально построенном здании на углу улицы Магистратской (ныне ул. Розы Люксембург) и переулка Тецковского (Кооперативного). Попутно можно сказать, что с крыши этого здания в 1887 году фотографировал город находившийся проездом в Томске изобретатель радио А.С.Попов. Что же касается Тюменцева, то его смело можно назвать инициатором и организатором метеорологических наблюдений в Томске - в течение многих лет он состоял наблюдателем метеостанции в Томске и все собранные материалы передал в научную библиотеку Томского университета.

Туда же в конце 20-х годов по личному распоряжению Гавриила Константиновича поступила его знаменитая библиотека. Среди редкостей ее - первое издание (1750 год) "Описания Сибирского царства" Г.-Ф.Миллера, книга о Китае Н.Бичурина (о.Иакинфа), работа польского автора Фр.Белявского о самоедах, книга о Томске, изданная в Саратове, ряд других, не менее интересных для краеведов изданий. Однако наибольшую ценность в библиотеке Тюменцева представляют конволюты - сборники из отдельных книг и брошюр, заключенные владельцем в один переплет. Таких сборников насчитывается 335,



Г.К.Тюменцев.

и они-то сохранили и донесли до нас множество книг и книжонок, давно исчезнувших с лица земли. Какие-то из них зачитывались "до дыр", другие просто не попадали в сферу интересов собирателей, а единственное в то время и главное книгохранилище Сибири - Иркутская городская публичная библиотека в результате пожара 1879 года почти полностью лишилась своих фондов. Вот и получается, что первый сибирский роман "Дочь купца Жолобова" (сочинение И.Калашникова) больше нигде и не прочтешь, как в сборниках Г.К.Тюменцева.

Дважды с сообщениями о библиотеке Тюменцева выступали в клубе "Библиофил" сотрудники научной библиотеки университета, но если учесть, что это было не сегодня и не вчера, а соответственно, в 1977 и 1984 годах, если учесть малочисленный состав аудитории, то приходим к невеселому выводу: за 60 с лишним лет пребывания библиотеки в стенах госучреждения она так и осталась неизвестной широкому кругу читателей и краеведов. Как бы хотелось, чтобы в юбилейном году появилось библиографическое описание тюменцевской библиотеки, тем более, что специалисты научной библиотеки могли бы это сделать, как всегда, на высоком уровне.

Переключаясь с грустных ноток на более оптимистичные, давайте вспомним, что Г.К.Тюменцев - это не просто величина в сибирском краеведении, а глава семьи, внесшей значительный вклад в дело изучения края. Его сыновья - Константин и Ростислав - оставили нам замечательные снимки с видами Алтая и других живописных мест Сибири. О Константине можно еще добавить, что он, будучи специалистом-горняком, многие годы посвятил



Здание на ул.Розы Люксембург -
бывшее Алексеевское реальное училище.

изучению Алтая, а в студенческие годы, обучаясь в Томском технологическом, имел какое-то отношение к Томскому комитету РСДРП, о чем удалось узнать стороной, а не из местных партийных изданий.

Дочери Гавриила Константиновича - Елена и Ольга - тоже весьма интересные люди и заслуживают более обстоятельного разговора. Пока же упомянем, что Елена Тюменцева была профессиональным художником, как и ее муж - Александр Мако, оба служили искусству и в Сибири, и на Украине. В последние годы жизни (скончалась в 1956



Дом Тюменцевых (угол ул. Красноармейской и пр. Кирова).

году) Елена Гавриловна заведывала художественным отделом Томского краеведческого музея, куда сестра ее Ольга, работавшая врачом железнодорожной больницы в г. Тайга, передала более тысячи хранившихся в семье фотографий и художественных работ.

Те, кто дают названия проспектам и улицам, живут по каким-то своим законам: появляются таблички с именами бывавших мимолетно, а то иногда и не бывавших в нашем городе деятелей, но нет улицы имени Тюменцева (или Тюменцевых?), нет памятной надписи на доме, где они жили - угол Солдатской и Бульварной - теперь Красноармейская и Кирова. Слава Богу, что дом сохранился. И на том спасибо.

Эдуард МАЙДАНИК,
сотрудник библиотеки им. Пушкина.

"ДЛЯ ИСПОЛНЕНИЯ ВОЗЛОЖЕННОГО ПОРУЧЕНИЯ"

Томичи хорошо знают, что декабрист Г.С. Батеньков отбывал в нашем городе ссылку в 1846-1856 годах. Менее известно первое его пребывание в Томске, о котором свидетельствует собственноручный рапорт Батенькова, хранящийся ныне в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге.

Томск получил статус губернского города в 1804 году, ровно через два века после своего основания. Положение губернского города требовало благоустройства. Сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель затребовал в Томск "сведущего по инженерной части чиновника". Им и оказался инженер-поручик Гавриил Степанович Батеньков, который прибыл сюда 23 марта 1817 года.

Г.С. Батеньков дал объективную характеристику города с точки зрения инженера, которому предстояло здесь работать. Он писал, что до 1802 года проезд по улицам был "весьма затруднителен, а осенью и весной тяжелые вozy и экипажи не были в состоянии следовать". Затем, до 1816 года на всех улицах устраивали деревянные мостовые. Но они увеличивали пожароопасность, под мостовыми накапливались нечистоты, "служившие к порче воздуха". Поэтому вместо мостовых стали устраивать "хрящевую насыпь" - гравийное покрытие улиц. Одновременно начали устраивать взвозы (подъемы) на Воскресенской и Юрточной горах: им придавали большую пологость, дорожное полотно утрамбовывали гравием, канавы облицовывали тесом, а откосы укрепляли ивняком. Всеми этими работами руководил в 1816 году инженер-подполковник Лукин, но вскоре он умер.

Продолжать начатое предстояло Батенькову. "В середине города" (в районе нынешнего центрального рынка) находилось небольшое озеро. В 250 сажнях от него (чуть более километра), у подножия Воскресенской горы выходили два ключа чистой воды. Батеньков собирался провести по деревянным трубам ключевую воду к озеру и устроить бассейн для противопожарных целей и бытовых нужд. Он думал улучшить и санитарные условия, ибо, как отмечал инженер, "место сие по неуважению жителей весьма засорено, ... нечистоты имеют туда свободный сток". При расчистке берегов озера обнаружилось много родников и устройство водопровода не понадобилось. Тогда Батеньков решил увеличить дебит одного из ключей, которым издавна пользовались жители. Рабочие под его руководством устроили плотный сруб из шпунтованных свай, причем для забивки свай изготовили даже специальный копр.

Инженеру Батенькову предстояло также укрепить берега Ушайки и устроить набережную или, как тогда говорили, "обруб".

Летом 1817 года на благоустройстве улиц работали 20-30 ссыльнокаторжных, но основной объем необходимого выполняли горожане, которые "работали сами против домов своих". На собственный счет они нанимали плотников для облицовки канав досками. Берега Ушайки укрепляли ивовыми плетнями, за которые насыпали и утрамбовывали привозной грунт. Этой работой занимались вплоть до заморозков свыше 20 "колodников".

Несмотря на ненастный сентябрь, обустройство ключа у Воскресенской

горы завершилось благополучно. Ясным холодным днем 1 октября 1817 года источник был освящен в присутствии "целого общества" во главе с губернатором Д.В. Илличевским.

Много хлопот доставляла томичам переправа через Ушайку. Батеньков писал, что "мост положено было строить из камня, дабы единовременной издержкой доставить городу сообщение надежное и здание (сооружение) красивое". Он хотел построить мост возле устья на каменных быках с 18-саженной (38,4 метра) железной либо чугунной аркой. Но для такой постройки требовалось значительное время, а старый уже не подлежал ремонту. Приходилось экстренно строить деревянный мост "самой простой конструкции".

Сооружение моста началось 8 октября 1817 года на месте нынешнего Каменного моста. Его строили до 58 "колodников". Мешали жестокие морозы, "до степени замерзания ртути простиравшиеся". В связи с новыми поручениями Батенькову мост достраивал губернский архитектор, инженер-поручик А.П. Деев.

Практические результаты работы инженера Батенькова получили глубокую признательность горожан и высокую оценку местной администрации. Именно это обстоятельство помогло Батенькову много позже, когда после ареста по делу декабристов и 20-летнего одиночного заключения он был сослан в Томск. Томичи еще помнили строительную деятельность Батенькова, и он получал много заказов на проектирование частных и общественных строений.

Виктор БОЛЬШАКОВ,
кандидат исторических наук.

О ПРАЗДНОВАНИИ ОДНОГО ЮБИЛЕЯ

В марте этого года исполнилось 140 лет со дня смерти великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Едва ли эта дата будет широко отмечаться в нашей стране, ведь она не "круглая". В связи с этим читателям нашего журнала было бы небезынтересно узнать о том, как в 1902 году городские власти и общественность Томска отмечали 50-летие со дня кончины писателя.

Этот факт интересен еще и тем, что многие из старых традиций, в том числе и почитание великих русских писателей, нами оказались утраченными. Приведенные документы из архивных фондов "Томская Городская Дума" и "Управление Западно-Сибирского учебного округа" помогут нам почувствовать ту значимость, которую придавали жители старого Томска такому печальному юбилею, как 50-летие со дня смерти Н.В. Гоголя.

"Городской Думе доложено отношение Господина Инспектора Народных Училищ Томской Губернии 1-го района от 20 минувшего января N 96, коим он сообщает, что Общее Собрание учащихся Томских Городских приходских училищ, состоявшееся под его председательством 15 сего Января, сделано постановление о чествовании Н.В. Гоголя по случаю исполняющегося 50-летия со дня его кончины и выработала для этого соответствующую программу, при сем на рассмотрение прилагаемую.

При обсуждении доложеного Гласный А.И. Макушин предложил следующее: много уже лет ощущается теснота и неустроенность помещений городских училищ, эти недостатки констатировала в последнее время и инспекция народных училищ и Дума уже давно пришла к заключению о необходимости постройки новых школьных зданий и в этих целях несколько лет собирается капитал, который в настоящее время достиг значительной суммы 16000 рублей, и недавно, вследствие ходатайства Заведующих Воскресными школами, Дума высказалась за то, чтобы употребить вышеозначенный капитал, а также средства, которые Заведующие Воскресными школами обещались собрать частным путем, на постройку во дворе дома, где находится городская амбулаторная лечебница, обширного

здания, в котором могли бы помещаться Воскресные школы, несколько начальных училищ и вечерние классы, постройку этого здания, по его мнению необходимо начать немедленно и назвать его Гоголевским и возведением такого Гоголевского дома была бы удовлетворена настоятельная нужда города и достойным образом почтена память великого писателя. Затем г. Макушин предложил на усиление капитала на постройку Гоголевского дома обратить нераспределенный еще прибыли банка за минувший год, в сумме 9000 рублей, избрать особую комиссию для составления плана и сметы на постройку этого дома и поручить Городской Управе ныне же приступить к заготовке строительных материалов: бутового камня, извести и прочее...

... Вышеозначенное предложение г. Макушина было принято большинством гласных и Городская Дума ПОСТАНОВИЛА:

предполагаемый к постройке дом во дворе лечебницы, где будут помещаться Воскресные школы, три городских начальных училища и вечерние классы, наименовать Гоголевскими в память исполняющегося 50-летия со дня кончины русского писателя Гоголя Н.В...."

Чрезвычайно насыщенной была программа, посвященная памяти Гоголя томскими городскими приходскими училищами. Предполагалось во всех училищах отслужить панихиду

по почившему писателю; в наиболее крупных — провести "три гоголевских вечера", на которых прочитать биографию писателя, организовать выступления учащихся с декламированием отрывков из его пьес

Намечалось устроить весной праздник древонасаждений силами учеников и, если оно состоится, парк назвать "Гоголевским". Выделялись средства на приобретение во все библиотеки приходских училищ полного собрания сочинений Н. В. Гоголя. Выпускники училищ 1901—02 годов именовались "гоголевским выпуском", а наиболее выдающиеся получали похвальные листы с портретом писателя.

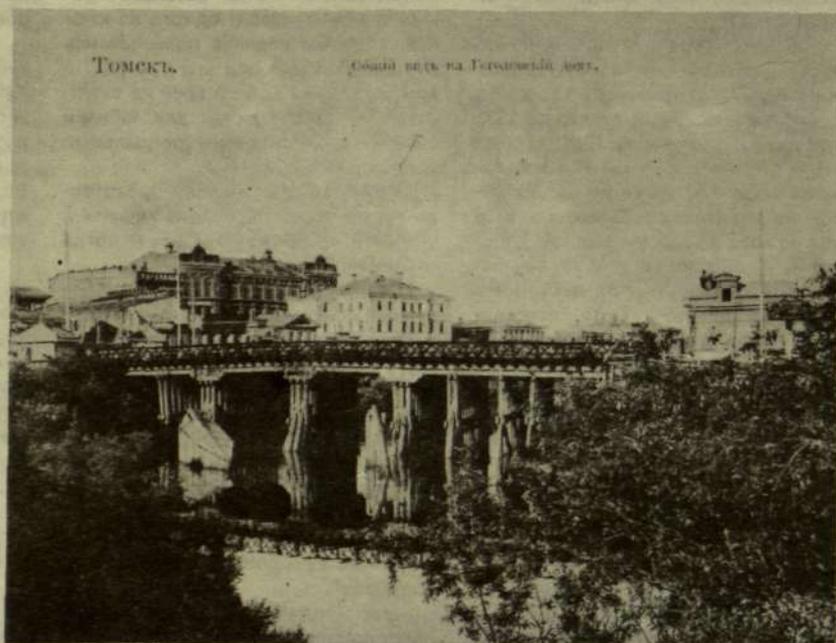
Все делалось для "вящего закрепления" в памяти учащихся юбилейных дней великого писателя.

Ирина МАСЛОВА,
зав. отделом информации ГАТО.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Спешим успокоить читателей "Томской старины" (а также книжки В. Славнина "Томск сокровенный", недавно вышедшей в Томском книжном издательстве) - Гоголевский дом, "разрушенный до основания" по воле автора означенной книги, (см. стр. 110 и 225) цел и невредим!

Строение известнейшего Томского зодчего П. Федоровского стоит на прежнем месте, там, где и было поставлено 90 лет тому.





„Прежде они считались демократами, теперь же нельзя себе представить более брезгливых аристократов в отношении к народу. Скажут, что они обличали в нашем народе лишь темные стороны, но дело в том, что, обличая темное, они осмеяли и все светлое, и даже так можно сказать, что в светлом-то они и усмотрели темное. Не разглядели они тут что светло, а что темно.”

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.

ВСЕМ МИРОМ СПАСЕМ КРАСОТУ

(Обращение к руководству Томской области и томичам)

Мудрое изречение Федора Михайловича Достоевского "красота спасет мир" стало расхожим, чуть ли не штампом. Всем оно известно - а красоты и мира все меньше. Десятиклассница из школы N 9 написала в сочинении: "...И что же могло в этом мире неравенства, вражды и разъединения спасти людей? Красота - заключает Достоевский. Пленительная фраза..." Так неужели она права? Неужели крылатая фраза будет просто порхать над мерзостью и запустением?

А богатейший (пока еще богатейший) потенциал Томска - симфонический оркестр, писатели, художники, театры, музеи - будут скудеть и сходить на нет? Нет смысла повторять, что культура, искусство оказались совершенно незащищенными в создавшейся ситуации. Новые власти пока еще изредка вспоминают о том, что неплохо бы создать системы налоговых поощрений для новых предпринимателей, вкладывающих средства в культуру. Но неужели в нашем городе, издавна претендующем на звание культурного центра Сибири и когда-то по праву его носившем, нельзя придумать какие-то поощрения, которые стали бы привлекательными для бизнесменов: Почетное гражданство, лента через плечо, герб Томска, укрепленный над офисом, постоянная рубрика в газете, рассказывающая о пожертвованиях... Неужели нынешним биржевикам и бизнесменам так безразличны уважение и благодарность горожан? Хотелось бы верить в возрождение макушинских традиций. Хотелось бы верить в возрождение Сибирских Афин.

Томская область вышла в российские лидеры по темпам роста преступности. Случайность? Нет, закономерность. Это соответствует темпам разорения и экономического удушения томской культуры. Давно пора это понять, пора остановить торжество Хама.

Спасать красоту завтра может быть поздно. Сегодня надо всем миром спасать красоту, которая, пусть не завтра, но все же спасет этот мир.

Томский драматический театр.

Томская писательская организация.

Томский областной комитет мира и согласия.

(Зачитано на областной конференции мира и согласия, март 1992 г.)

Хватит заниматься политикой!

(Из выступления А.Казанцева
на февральском 1992 года пленуме Союза писателей РСФСР).

Пятый год я руковожу Томской писательской организацией, одной из самых периферийных и небольших. Впервые мне довелось открывать пленения на писательском пленуме. А вообще на пленумах я, разумеется, не впервые и каждый раз хотел сказать об одном: когда же мы прекратим заниматься политикой и возьмемся, наконец, за то, к чему мы призваны?

Чем больше на писательских пленумах в Москве накаляются страсти, тем труднее жизнь писателя в провинции. В последнее время из столицы мы только и получаем письма да телеграммы: то-то отменяется, это отнимается... Сплошные лишения. Писатель, особенно живущий далеко от "белокаменной", уверенно начинает лидировать среди самых социально незащищенных...

Убедившись окончательно в том, что "писательский Центр" (любой - хоть "бондаревский", хоть "евтушенковский"!) о нас не подумает, мы в Томске создали свое независимое издательство "Образ", начали выпускать две газеты, журнал, появились первые книги. Газетно-журнальная деятельность, конечно, практически бесприбыльна, но дает писателю возможность прирабатывать гонорарами. От книг ожидаем прибыль... Казалось бы, мы можем прожить и без Союза писателей (любого!). Но тут-то надо вспомнить о тех хороших писателях, которым временно по какой-то причине не пишется (это ведь только ремесленники - строчкогонны не знают кризисов), надо вспомнить о тех хороших писателях, которые заняты долгосрочной

работой (к примеру, у нас, в Томске, всемирно известный фантаст Виктор Колупаев уже восемь лет поглощен одним делом, которое пока не принесло ему ни копейки и не сразу после завершения принесет...). Вспомнить надо о тружениках-писателях, кото-

фонда-то, похоже, не будет...

Так чего же мы до сих пор продолжаем вести политические разговоры? Ведь все наши беды от чрезмерной политизации.

Поэтому повторю текст телеграммы, которую мы с Вл.Колыхаловым послали

не была зачитана).

Сейчас налицо "великое противостояние": Евтушенко-Бондарев. Казалось бы, две противоположности (я говорю не о писательских достоинствах Евгения Александровича и Юрия Васильевича - о другом), казалось бы, ничего общего.

Ан нет! Роднит их, кровно роднит крайняя, безмерная заполитизированность. Приход к руководству Владимира Крупина на деле означал бы деполитизацию, департизацию творческого союза.

Если на очередном съезде российских писателей уйдет Бондарев, от Евтушенко отхлынут практически все его "невольные приверженцы".

Знаю, что выступлением этим навлеку гнев очень многих, но это мнение разделяют большинство сибиряков и дальневосточников. На съезде нас поддержит Урал.

Если Союз писателей будет продолжать политические игры, то нам он попросту будет не нужен. Писатели-томичи первыми в стране распустят у себя партийную организацию, выйдут первыми и из Союза писателей, если он будет оставаться не творческим, а политическим.

(Комментарий к этому выступлению на стр. 35).



рые больны, возраст которых преклонен... О молодых талантах надо не забывать... Вот их-то всех и должен защищать Союз писателей, им-то и должен в первую очередь помогать Литфонд!

А из последних документов мы узнаем: и Лит-

минувшей осенью на съезд Союза писателей РСФСР, проходивший под маркой чрезвычайного: "Единственное спасение нашего творческого Союза в замене Юрия Бондарева Владимиром Крупиным". (Телеграмма эта, знаю, в президиум поступила, но



Разные ли у нас России?

(ПОСТКРИПТУМ К ВЫСТУПЛЕНИЮ НА ПИСАТЕЛЬСКОМ ФОРУМЕ)

Казалось бы, это дела писательские, своя "кухня", но потому и завожу об этом разговор на страницах нашего издания, что он касается практически каждого. От имени России выступают "бондаревцы", под российским же флагом ведет своих "невольных приверженцев" Е.Евтушенко. Если одна боль за Россию, почему же нет мира, согласия? То же самое наблюдается и в других сферах - не писательских, не творческих: в промышленности, в сельском хозяйстве, в народном образовании... Будто разные у нас России появились.

Занятым и весьма символическим казусом завершился для меня тот пленум. На плече моем повис крепко выпивший незнакомый литератор, желая объясниться. Оказалось, не пил он лет семь, но мое выступление его "подкосило". Подумалось-союзник. Выяснилось - противник. Убежденный. "Бондаревец" до мозга костей, беспартийный коммунист. Но не костным мозгом - разумом - ощутил правоту и в моих словах, вот и "подкосило"...

Это был поэт Александр Милых, бывший красноярец, теперь житель Кишенева, ставший "инородцем" в суверенной Молдове. Понять его консервативный радикализм можно: таков накал политических страстей на юго-западной окраине бывшего Союза... Еще понятней стал мне Александр Милых, когда потом читал его стихи, которые он сунул мне на прощанье со словами: "Скоро наши победят, но я тебя спасу!.."

Господи, кто они, "наши"?!. Талантливый поэт Александр Милых, пишущий с болью о России, - наш. Кого от кого спасать надо? Кому от кого спасаться?.. Только не могу согласиться с концовкой одного из крепких стихотворений Александра:

**Вдруг понял я, что разные России,
Как группы крови -
Разные у нас!**

Это мы все можем быть очень разными, а Россия у нас

одна. Навсегда одна. Нам ее хранить и укреплять.

Так пусть ответит Александру Милыху сибирский поэт-самоучка из села Зырянского - Александр Маслов, юрист по профессии, диссидент "застойных" лет. Это стихотворение он написал за шесть лет до так называемой "перестройки":

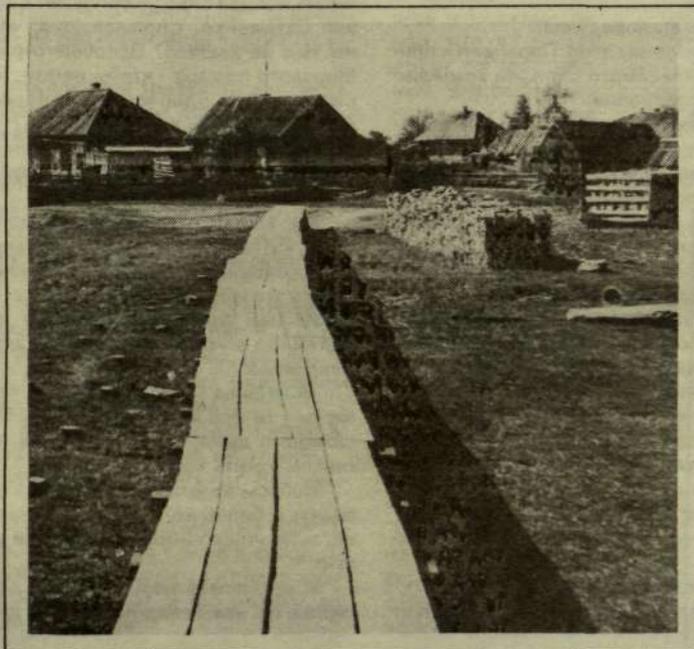
**Будем жить на малых оборотах?
Позабыв про честь и чистоту,
Тюрю жрать и рожи мыть в болотах,
На кресте распяв свою мечту?..
Будем жить, куда же нам деваться,
Коль родились в эти времена.
В преисподней будет удивляться
Нашей мерзкой жизни Сатана.
И не в том беда, что тряпок мало,
Что с жильем и с пищей нелегко.
Велики меж нами интервалы:
Друг от друга души далеко.
Никому, пожалуй, мы не верим,
В том числе и собственной жене,
Врем нахально, пьем и лицемерим
И боимся... словно на войне.
Нам бы всем собраться воедино,
И поверить бы, хоть в жизни раз,
Что мы люди все же, не скотина,
И Россия создана для нас.**

А, действительно, "нам бы всем собраться воедино", понять, что не разные у нас России - одна. Отвернуться от суетливых политиканов и делать дело. Каждому свое. Но и - общее: на благо единой России.

Александр КАЗАНЦЕВ.

Александр МИЛЫХ ЗНАКОМЫЙ. 1973

Оркестру ресторана - про лучину
И ямщика подпел застольный зал...
И гладкий отутюженный мужчина
Мне, школьному приятелю, сказал:
"... Трудны... трудны... житейские науки,
Даны не каждому... доверю, так и быть..."
Я вспомнил ученические муки
Товарища, умеющего жить.
Но промолчал, в молчаньи неумелый,
А кто из нас в молчании не прав?
Он говорил по делу и без дела
Тянул за невнимательный рукав.
Рассказывал: кто и куда назначен,
Поднял бокал за радости Земли,
Перечислял нежданные удачи,
Что вкрадчивой походкою пришли:
"...Есть ключик... есть и к слабостям планеты,
Ищи... найдешь - откроешь к благам дверь..."
Подразделял миры на те и эти,
Как-будто детство наше - разное теперь.
Как-будто не было: открытые, простые
Дрались за справедливость мы не раз...
Вдруг понял я, что разные России,
Как группы крови -
Разные у нас!



ПИВО И ВОЖДЬ МИРОВОГО

Из книги Алоиза Крылова
"12 кружек"

ПРОЛЕТАРИАТА



Очередной юбилей Ленина принес новую пачку мемуаров. И молодежный журнал поступил не формально: попробовал сказать, как не надо писать о вожде.

Охотник? Не очень: случайность. Косарь? Раззудись плечо! Опять же нет. Не держал в руках литовки.

Стерильный трезвенник?

Наперекор версии, что-де Ильич за всю жизнь не выпил ни кружки, его сестра говорит обратное. Будучи в Мюнхене, Анна Ильинична Ульянова-Елизарова и сама захаживала с ним в пивные. Возможно, не пил, если находил пиво неудачным (это в Мюнхен-то!) И тогда переходил на вино.

То же подтверждает И.Эренбург. В Париже, на конференции, все пили в перерыв кока-колу, и лишь Ленин - пиво.

В трилогии А.Коптелова хозяин потчует его брагой. Как поступить богочеловеку? Гордо выплеснуть? Или, в подтверждение пролетарских замашек, усердно ему приписываемых, жакнуть ковш да утереться?

Не таков наш книжный Ильич. Налил стакан, снял пробу. Помечтал о

стаканчике "Самарского". И вписал в новый свой труд, что пьет сибиряк.

ДЛЯ СПРАВКИ: Пиво "Самарское" - плотность 14 градусов, алкогольность 3,5 градуса (14:4). Выдержка 60 дней. Оно и ничего!

В музее Сталина в Батуми висит (висела, по крайности) картина, изображающая знакомство двух вождей. Встреча происходит в пивной. На столик Ленина служанка ставит поднос с коническими кружками - для лучшего держания пены. Ильич еще не пил.

Кружку в ленинской руке мы видели и в кино. Вождь, сидя в павильончике, мирно попивает пиво. Его соратница кушает мороженое. Все, как у людей. Что человеческое нам чудно? Ведь в божественном раже договорились до того, что он-де и с женою спал врзоз.

Остается загадкой, зачем же Ильич, стоя у руля, вдруг позакрывал питейные заведения, чем и предал марксизм.

Спустя полвека вождь пошел на широкий жест. В Набережных Челнах (ах, в Брежневел!) он, указуя перстом на подвернувшуюся пивнуху, изрекает:

- Верной дорогой идете, товарищи!

Может, передумал?

С Лениным ясно. Перейдем к пристрастиям самого корифея коммунистической теории.

"Между прочим, основатель самого передового учения любил пиво. Что не мешало ему сочинить в свободное от посещений пивных время "Манифест коммунистической партии". Это к тому, что в Марксе две страсти-пиво и борьба за освобождение рабочих - счастливо уживались".

Так предваряет "Комсомолка" материал о конкурсе красоты (6.02.91). Не только Швейк рождается из пивной пены!

Ох, не по-марксистски поступила наша марксистско-ленинская партия. Посягнув на пиво, двинула когорте корифеев да под самый дых.

- Как Ленин, так и партия, - заступает за неудачного "бога" Берибидон.

- Он закрыл - и она закрыла...

Обращение к марксистам требует

особой точности. Приведу отрывки из переписки (цитируется по статье В.Коробкина "Сэру Матвееву, эсквайру", "Нева", 4-90).

Энгельс - Лауре Лафаг, от 26.04.1866: "Пиво льется в избытке - я поглощаю целых две бутылки в день". Лукавит Фридрих: вот каким помнит его Л.Тернер:

"Меня интересовали также взгляды Энгельса на движение трезвости. Я не могу вспомнить, чтобы он когда-нибудь высказывался за воздержание от употребления алкоголя. Напротив, часто, сидя за пивом, он говорил мне: "Пей, баварец, баварцы всегда испытывают жажду!" От нашего старого Филиппа Беккера я также узнал о его умении пить и не пьянеть, о том, что на наших пирушках в Цюрихе он не уступит никому из нас, даже будучи на седьмом десятке".

Созвучен Л.Тернеру и В.Либкнехт:

"Подхватив меня под руку, Маркс повел меня в лучшую комнату, где Энгельс уже запасся оловянными кружками крепкого портера и встретил меня веселыми шутками. Мы говорили, смеялись и пили до самого утра."

"Все классики марксизма-ленинизма любили пиво", - обобщает Евгений Евтушенко. Спрашивается: чего им еще не хватало? Всеобщего рая? Мирового пожара - чтобы немцы, евреи, чукчи в одночасье поднялись на... Это сколько же надо выпить?

Воскреси, Карл - прими талон на пиво! На скверное пиво, которое и получить-то не удалось...

Вы, кажется, уже склонны допустить, что Маркс и его плеяда не такие уж трезвенники. Только вот Ленин: как же это можно про Ильича?

Ильичи тоже человеки. Вот выдержка из открытого письма Аркадия Аверченко:

"А ведь ты - я знаю тебя по Швейцарии - ты без кафе, без "бока", без табачного дыма, плавающего под потолком, - жить не мож."

Небось, хочется иногда снова посидеть в биргалле, поорать о политике, затянуться кнастером - да где уж там!

И из Кремля нельзя выйти, да и пивные ты все, неведомо на кой дья-

вол, позакрывал декретом N 215 523. Неуютно ты, брат, живешь, по-собачьему. Русский ты столбовой дворянин..."

Книжный Ленин столь же похож на свой прототип, как сказочный до-

бряк-медведь на свирепого хищника. И все-таки автор - негиббимый марксист и твердокаменный ленинец. В том разрезе, когда кружки оловянные, а портер крепкий.

"Мне социализм без пива не ну-

жен, - пишет некий краснодарец в "Аргументы и факты". - Ни развитой, ни разукрашенный. Думаю, втайне и наши руководители того же мнения".

Встретить бы того парня - поставил бы ему гарнец!

ОТ РАСУЛА К ВИССАРИОНУ



В пивбаре "У Никиты".
Фотошутка Евг. КРЫЛОВА.

Расул Гамзатов, положительный эпикуреец, предостерегал:

**Пить можно всем,
Необходимо только
Знать, где и с кем,
За что, когда и сколько.**

Его призыв к тому, "чтоб вином наполнялся бокал", заглох вместе с "Шотландской застольной". И Бетховен - не Бетховен, если партия "трезва"!

Абсолютной трезвости нет нигде. Даже у мусульман, почитающих Коран выше всех указов, спиртное в ходу. Нехватку его от века компенсировали крепчайший кофе, злой табак и, хуже того, гашиш.

Одного кавказца похвалили за то, что у них, при изобилии вина, пьяных нет.

- У нас закусьвают! - ответил горный орел. - Бурдюк пил, баран рзал. Базар шел, водка пил, шашлык...

- Какая тебе водка? - возразили ему. - Аллах-то что велел?

- Вино пить не велел! - уточнил горец. - Водка ничего не говорил... Русский пить нэт, жрать нэт. Все нэльзя.

Пиво попало в опалу, и не посмотрели, что оно куда ближе к квасу. Да ведь и в квасе наберется с полпроцента спирта - может, и его побоку, да, заодно, и кефир?

Досталось и кумысу - целебнейшему питью с его жалкой алкогольностью.

Страждущих срамили печатно и непечатно. Подразумевалось, что хорошие дяди сидят в чайных и упиваются лимонадом. Появились и книжные герои, что проводят досуг за мороженым. Что поделать - социалистический реализм!

По сей день не пойму, как это можно провести вечер - весь вечер! - "за чашечкой кофе".

Конечно, есть люди, пиво не пьющие. Но есть и что-то не едящие. Не читающие. Не ходящие на оперы-балеты. Так, может, долой и театры, и книги?

Слышу ведьливую реплику ханжи: "И без пива не помрешь". Не помру, верно. И без чаю-кофию. Коммунизм возможен и без хле-

ба - была бы идея...

Никто никого за рукав к бочке не тянет. Но и кружка здоровому мужику с устатку не грех. С этим когда-то соглашались и доктора. Но бороться с записными пропойцами хлопотно - не проще ли хлопнуть по всему рабочему люду?

Антиалкогольная кампания по своей вздорности перецеголяла и "кукурузу" - эту высокую классику родимой бюрократии. Ячмень, работавший на нас сто столетий, вдруг приравняли к без вины виноватым маку и конопле.

Позакрывали бары. А не потому ли на работе у нас - сплошная болтовня? Немец-то найдет, где наговориться, а на работе - работает.

Вот какое изречение украшало некогда одну пивную точку - "Две сестры":

"Пьют и едят все люди, но пьянствуют и обжираются только дикари".

Это Белинский. Неистовый Виссарион.



Рис. М. ШУГАЯ.



Иоганн Георг Гмелин, побывавший в Томске в 1734-1740 годах, отмечал в дневнике: "Внутри крепости - деревянный кафедральный собор, дом воеводы, канцелярия, несколько каменных амбаров и каменный же цейхгауз. На колокольне кафедрального собора имеются куранты, которые по старинному обычаю отбивают часы восхода и захода солнца..."

Из других источников известно, что в семнадцатом веке многие провинциальные города России обзавелись башенными часами. Как же выглядели, упомянутые Гмелиным, башенные часы Томска? Ино-

странный путешественник Куунрад Ван Клепка в своем описании города Архангельска сообщает: "Тут стоит башня, на которой находятся часы, показывающие время с немецкими и русскими литерами: для определения времени они урегулированы по русскому способу: русские начинают свой день с восхода солнца, вследствие этого и часы бьют "час" через час после восхода солнца и столько же через час после захода его".

Думается, что томские башенные часы ничем не отличались от архангельских. Унификация началась уже в те времена. Законы и обычаи тоже были

МАСТЕРА

на Руси едиными. Под звон курантов начинал Томск свою дневную рабочую жизнь, под этот же звон и отходил ко сну.

Рос город, возводились в нем новые, все более величественные здания, на некоторых из них устанавливались башенные часы. Подобные часы были на башне старой томской ратуши (в этом здании теперь ГАИ). Был при ратуше часовщик. Звонили часы, им отзывался магистратский колокол, звон подхватывала звонница на Воскресенской горе.

Гуляя по городу, внимательный наблюдатель обратит внимание на то, что в башнях некоторых зданий пустыми глазницами зияют пустые отверстия. Но не всегда уныло глядели они на улицу.

Вот здание, которое томики именуют нижним гастрономом. Прежде это был магазин Георгия Голованова. Над нынешним молочным отделом гастронома здание венчает красивая башня. В ней три пустых отверстия. Башню украшал флюгер в виде парящего генерала Меркурия, покровителя торговли,

путешественников и ... воров. Знал ли о третьем значении символа Георгий Голованов? Как бы то ни было, Меркурий мирно парил в томском небе, а чуть ниже - сияли три вышолоченных циферблата с римскими цифрами и фигурными стрелками.

Эти башенные часы можно было видеть не только с Почтамтской, но и из близлежащих переулков, тем не менее, возле пивной Крюгера и оптического магазина Нечаева выдвигались на кронштейне в улицу еще одни часы.

Стоило пройти немного и, поднимаясь по лестнице к главному почтамту, мы видели почтамтские часы-бочонок, с двумя циферблатами, обращенными на

обе стороны улицы.

Почтамтские часы я очень хорошо помню. Отцов брат, Александр Николаевич, заведовал телеграфом, ему было поручено наблюдение за часами. Естественно, что он приглашал для их регулировки и ремонта своего брата, а моего отца - Николая Николаевича. Мастерская отца находилась рядышком, там, где теперь кафе "Весна".

Когда на почтамте механические часы были заменены электрическими, событие обсуждал весь город. Плоские электрические часы казались не очень красивыми. Особенно возмущались часовщики. Помилуйте! Часы движет электричество! А если электростанция не подаст энергию? В механических - сменил пружину - и порядок, а тут... Далее по Почтамтской улице большие настенные часы находились над входом в Управление Сибирских железных дорог - против Троицкого Кафедрального Собора.

Да, уличные часы в прежнем Томске были не только призваны показывать время, они были неотъемлемой частью городской архитектуры, украшали, оживляли ее. И все же эту неотъемлемую часть отняли у нас, увы.

Украшали часы знаменитый пассаж Второва. В пятидесятые годы эти часы решили отремонтировать, сняли с башенки, но обратно почему-то не вернули: то ли отремонтировать не смогли, то ли город денег на оплату ремонта не нашел. Таким же образом исчезли и некоторые другие городские часы.

Отец мой был отдан в обучение к часовщику Бавыкину в десятилетнем возрасте. Никакой платы ученик не получал, хозяин лишь кормил его. По контракту, когда отцу исполнится двадцать лет, он должен

ПЕРВОЙ РУКИ

был получить от мастера полностью инструмент и звание мастера третьей руки, удостоверенное специальным документом. Мастер не спешил делиться секретами мастерства, наоборот, отцу запрещалось смотреть, как работают в мастерской часовщика. Да и времени на это не было: отец должен был мыть полы в доме у мастера, нянчить хозяйского ребенка, а в мастерской он вновь мыл полы, стирал пыль, ходил для мастеров за пивом и колбасой. Однако, отец подсмотрел кое-какие приемы работы, вскоре стал разбираться в часовых делах.

В те годы большие учредения и хозяева богатых квартир имели внутри зданий множество часов и заключали с часовщиками договора на обслуживание этих часов: их ремонт, заводу и регулировку.

Многие часы - настенные и напольные - были очень сложны, и заводить их, регулировать мог только специалист. С двенадцатилетнего возраста отец ходил регулировать часы в городскую управу (в здание, где ныне располагается горисполком). При управе какое-то время находилась и одна из квартир купца Кухтерина. Это была как бы официальная квартира, в которой Кухтерин общался с другими дельцами, заключал сделки.

Отец рассказывал об этом коренастом плотном купце, что был он очень силен физически и грубоват в обращении. Однажды он пожаловал отцу диковенную шоколадную конфету, сказав лишь одно слово: "Жри!"

В казначействе и "городской" квартире Кухтерина было много разнообразных настенных и напольных часов фирм "Мозер", "Омега" и других. Были часы с компенсационными маятниками, которые

ходят медленно-медленно, были часы пружинные и гиревые. Играли они разные мелодии или били в колокола и серебряные пружины. У каждых часов был свой голос.

Говорят, что в архиве горисполкома до сих пор находятся часы, заказанные в Швейцарии графом Разумовским для императрицы Екатерины. Своенравная царица однажды решила подарить эти часы покорителю Америки Шелихову, для этой цели часы были отправлены в Сибирь, в Иркутск, генерал-губернатору Якобию.

Царицын подарок успел дойти лишь до Томска, когда она скончалась. Император Павел специальным указом отменил все распоряжения, которые были отданы его матерью. В связи с этим, томичи решили, что отправлять часы по назначению не обязательно. Так эти часы и остались в Томске, тем более, что Шелихов вскоре умер в Иркутске.

Отец добивался того, чтобы все часы в казначействе ходили абсолютно точно и начинали бить и звонить одновременно, и такой перезвон шел по этажам, что любо-дорого слушать!

Много дорогих, прекрасных часов было в доме губернатора, архиерея, в городской управе, в томских вузах. Старожилы помнят, что на площадке нынешнего здания СФТИ еще в 30-40-е годы стояли гигантские напольные часы с огромным маятником и массивными гирями. Часы эти отбивали не только каждые полчаса, но и четверть часа, играли мелодию. Голос их был слышен по всему зданию!

Были замечательные часы и в Троицком соборе, по звону этих часов в соборе зажигались свечи и начиналась служба.

Большое количество ча-

сов вызывало необходимость иметь в городе много часовщиков. И они здесь были. Еще до Великой Отечественной войны часовые мастерские на центральной улице встречались чуть не на каждом шагу. Раньше часовщик работал совсем иначе, нежели теперь. Часы были сплошь иностранные. Никаких запасных частей к ним не было. Многие приходилось изготавливать самим, вручную. Сколько приходилось проявлять смекалки, изобретательности, мастерства! Это сейчас мастера заменяют сломанные детали новыми, готовыми и являются по сути дела не мастерами, а слесарями-сборщиками.

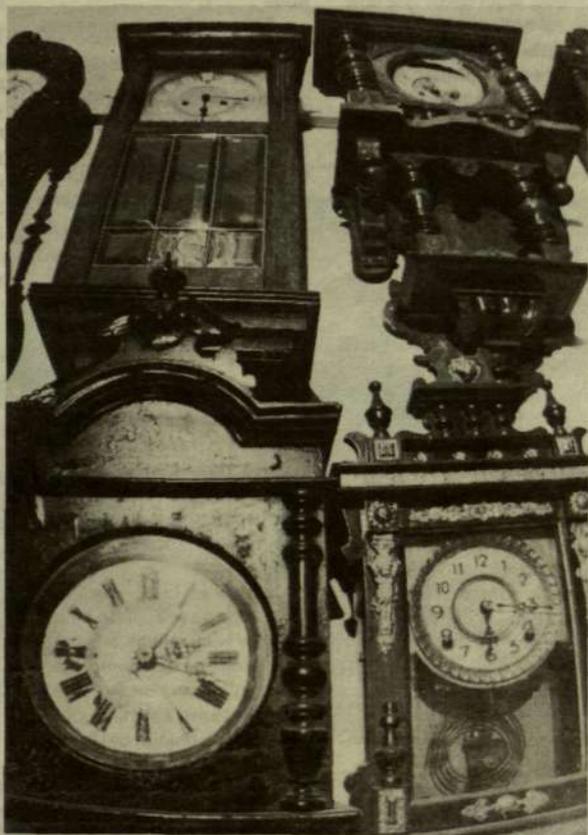
Между тем, в прежние времена в Томске были умельцы, имена которых предстоит узнать. Вот в книге Пилунырова В.Н. и Черныгина Б.М. "Развитие

хронометрии в России" (изд. "Наука" 1977 год) рассказывается о талантливом самородке Иване Мезгине. Он родился в селе Черный Яр Бийского уезда Томской губернии в 1820 году в семье крестьянина.

Ивана Мезгина тянуло к изобретательству. Молодым парнем он поступил в Томске в часовую мастерскую в ученье. Через четыре года стал мастером, уехал в Петербург, где ознакомился со многими редкими и сложными часами.

Мезгин много занимался самообразованием, за 12 лет работы скопил деньги и вернулся в Томск, где открыл часовой магазин, лучший в 60-е годы в этом городе.

Тогда же Мезгин стал изготавливать из золота, серебра и платины свои историческо-астрономические часы. Работал шесть лет. Часы имели три циферблата и показывали движение по орбитам планет, год, день, число и время. Часы разрывали также "представле-



ние". Была изображена Томь с пароходом и лодкой на ней. По Томи шли волны. На противоположной стороне подъезжали экипажи-кортеж навестившего Томск Великого князя. Фигурки людей пересаживались в лодку, игрушечные гребцы шустро гребли, на берегу "князя" ожидали войска и начальство, в момент вступления на берег князя с супругой, исполнялся гимн. В часах был балкончик, двери которого распахивались и князь выходил приветствовать народ.

Дальнейшая судьба этих часов неизвестна. Авторы истории о Мезгине нашли в забытой брошюре некоего Б-на.

Из довоенных мастеров первой руки я помню Ивана Шейкина, Исаю Богомолова, братьев Василия и Ивана Быковых, многих других. Все это были самородки-умельцы.

Недавно я смотрел архивные материалы. Хотелось найти какой-то след деятельности отца, он ведь тоже был мастером первой руки, то есть, классным часовщиком, и проработал в Томске всю жизнь. Однако архивист я неопытный, сведений об отце пока не нашел, зато узнал, что в прежние времена было очень много часовщиков и на Загорной, и на Подгорной улице. Судя по материалам, все они занимались одновременно и ювелирной работой, и скупкой золота у старателей.

Я выяснил, что дом по Большой Подгорной, 55 принадлежал моему родственнику "домовладельцу и помещику Михаилу Ивановичу Тягунову". В десяти квартирах этого дома проживали крупные чиновники-дворяне, а одну из квартир занимал сам Михаил Иванович и "жиле было совмещено с часовой мастерской".

А родство наше такое: один из братьев отца - Вендикт - женился на дочери Тягунова.

Господин Тягунов был, видимо, человеком тще-

славным. В те годы почти все томские часовщики получали от швейцарских фирм детали настенных часов, ходиков "с кукушками" и без, и собирали из этих деталей часы. Корпуса же считалось целесообразным производить на месте. Для этой цели использовалась сосна. Обычно приглашали для работы хороших столяров. Тягунов решил на месте изготавливать и циферблаты, а на них велел делать надпись: "Часовой завод М.И.Тягунова". Эта надпись и сыграла свою роковую роль в 1938 году. Тогда арестовали и Тягунова, и моего отца. У отца требовали сказать - где хранится золото.

- Какое золото, - удивлялся отец.

- Ты - казначей организации...

Однажды, когда вели по коридору, отец слышал, как допрашивали Тягунова:

- Что же ты, сука, говоришь, что не был заводчиком? - орал следователь, - вот же часы, и на циферблате написано: "Завод Тягунова".

Так сгубило человека тщеславие.

А моему отцу, можно сказать, повезло: однажды приехал из Новосибирска проверять томских чекистов человек, в котором отец узнал товарища своего трудного детства. Отец и кинулся к нему.

- Я посмотрю твоё дело, - сказал тот, отстраняясь.

Отец вскоре выпустили, взяв подписку "о неразглашении".

Я был тогда маленьким, но отлично понял, что произошла трагедия. Отца словно подменили. Из веселого всегда человека, он стал мрачным и раздражительным. Говорил загадками:

- Может быть, так, что тебе придется расти без меня. Учись лучше и знай - я ни в чем не был виноват...

Когда началась война, отца хотели взять в томское артучилище ремонтировать оптику, но он запросился на фронт. Я помню, как он говорил мате-

ри:

- Пусть погибну, так хоть, может, вас не тронут...

А Тягунов так и помер вскоре в подвале НКВД. Родственникам дали справку, что умер он от пробадения язвы желудка, хотя язвы у него не было, желудок сроду не болел.

Отец вскоре погиб на фронте. Друзья отца решили, что если отец был замечательным часовщиком, то и я должен стать таким же. Меня определили в мастерскую, учился я у Василия Андреевича Быкова, но особых способностей к часовому делу не проявил, мастером первой руки не стал. Зато я написал потом повесть: "Часы деревянные с боем", так что и время, проведенное в часовой мастерской, для меня не пропало зря.

Будучи учеником, я ходил заводить часы в то самое здание, в котором теперь находится писательская организация. Мраморные ступени лестницы были уже и в те времена с одной стороны сильно стёрты. Только поднимался я по лестнице гораздо шустрее, чем теперь. Лучше сказать о том времени стихами:

**Помню, в коридорах исполкома
Пахло как-то странно, незнакомо:
Жженым сургучом и желтым воском,
И немножко - литературным кноском.
Я туда являлся спозаранку,
Я влезал на лестницу-стремянку.
Удивлял начальников степенных
Тем, что знал секрет часов настенных.
Я их регулировал, чтоб были
Те часы исправны, громко били,
Чтобы время правильно считали,
Чтоб не забежали, не отстали.
Секретарша чай несла морковный
И вздыхала:
— Мальчик малокровный...
Пил я чай и на часы косился,
Механизм в них сильно изнашивался.
Маятник все взад-вперед летает,
Он минуты, он года считает.
Надо, чтоб часы исправны были,
Чтобы час Победы нам пробили.
Только б невзначай часы не стали,
Я ведь знал, что есть "усталость стали",
Главная пружина не сломалась!
До Победы мало так осталось.
Заклинал часы я силой взгляда
И они старались. Шли как надо.**

Как-то промелькнула в газете заметка о том, что в Томске был свой часовой завод, что-то такое - пред-

положительное. А я этот завод хорошо помню. Он находился в том самом доме, где теперь расположен салон-магазин "Художник". Это было в годы войны. Приехал тогда в Томск некий инженер по фамилии Копелевич. Он предложил городскому начальству выпустить в Томске часы. И вот закипела работа. Установили в том доме станки, начали точить, сверлить, паять. Вскоре в магазинах появились простейшие часы-ходики томского производства. На циферблатах стояли буквы "ТЧЗ", мы еще тогда шутили, что это очень похоже на аббревиатуру Челябинского тракторного: "ТЧЗ". Покупатели бойко раскупали томские ходики, а потом также бодро потащили их обратно в магазин, требуя вернуть деньги. Ходики больше двух недель не ходили, даже с дополнительным грузом на гире. Копелевич начал быстро выпускать и томские будильники, но завод был прикрыт.

Ходили слухи, что Копелевич - враг, что его теперь посадят или даже расстреляют, но он как-то вывернулся, доказав, что виновато некачественное сырье. Так и не суждено было стать Томску часовой столицей.

А я вспоминаю старых часовщиков и часы, которые украшали многие здания, как внутри, так и снаружи. Многого лишился наш город за последние годы. А жаль. Красота ведь облагораживает людей. Это давно подмечено. Вот, слышно, подарил умулец недавно нашему горисполкому башенные часы, но они пока не установлены, лежат без пользы. Время теперь, конечно, трудное, но никогда нельзя забывать о красоте, без нее — еще труднее.

**Борис
КЛИМЫЧЕВ.**

НА СУХОЙ ПОЧВЕ ЦВЕТЫ НЕ ВЫРАСТУТ



Александр Саибединову - 34. Родился в древнем татарском селе Эушта, что в Томском районе.

"Если судить по той среде, в которой я рос, мой удел был - потихоньку пить, гонять жену... Возможно, считаться в деревне хорошим мастером-кузнецом, каким был мой отец". Вырваться из круга жизненных обстоятельств, чтобы достичь большего в жизни, приходилось самому, развивая заложенные природой способности. Возможно, к этому подтолкнула перенесенная в детстве тяжелая болезнь - хотелось ни в чем не отставать от сверстников.

С малолетства тянуло к рисованию, потом это стало профессией, но не на долго. Победила другая любовь - к педагогике. Сегодня А.Саибединов - руководитель районной экспериментальной педагогической площадки по обучению учащихся изобразительному искусству при средней школе пригородного поселка Светлый. Здесь проходит обкатку созданная им за годы учительства новая концепция обучения школьников ИЗО. Педагогическое кредо Саибединова: "Какими бы знаниями и навыками не наделяли мы ученика, если мы не воспри-

таем в нем духовность, понимание прекрасного, тягу к творчеству, все наши труды будут напрасны. На сухой почве цветы не вырастут". Изобразительное искусство - его конек. "Но было бы вообще глупо, если бы я не открывал своим ученикам многое другое в жизни". Время от времени ученики Саибединова открывают в учителе все новые качества и способности. Кроме картин он ведь еще пишет стихи, философские миниатюры, рассказы, как-то "по случаю" написал две детские пьесы, в героях которых его ученики с удивлением узнавали друг друга.

А.Саибединов убежден: талантлив каждый человек, нужно только создать ему условия для полного раскрытия его таланта. Он считает, что созданная им система многоступенчатого обучения учащихся изобразительному искусству предоставляет для этого неисчерпаемые возможности.

Сегодня, когда несколько учеников Саибединова стали педагогами и получают художественное образование в вузе, а те, кто

помладше, удивляют своими работами специалистов, когда педагогическая концепция Саибединова получила одобрение и поддержку в республиканском министерстве народного образования - в республике известны всего две программы педагогики ИЗО - академиком Кузина и Неменского, скептиков вокруг учителя стало меньше, но они есть. Дескать, есть дела поважнее в наше нелегкое время, чем занятия рисованием.

... А он одержим новой идеей - создать по собственному проекту школу с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла. В канун нового года А.Саибединов был назначен директором строящейся в п.Светлом второй средней школы. И если все будет хорошо складываться, быть в скором времени в Томской области новой авторской школе - Саибединова.

О.ВОРОБЬЕВ.

На снимках Н.Потапова: Александр Геннадьевич Саибединов и его ученики; работы учеников.



БЛЕСТЯЩИЙ ЛЕКТОР

Рассказ

Студент Воцанов осторожно постучал в непрозрачное ребристое стекло высокой двери. Послышалось:

- Войдите!

Доцент Баулин встретил его приветливо:

- Проходите, проходите! Садитесь...

- Я на минутку, - застенялся Воцанов.

- Вы и в каникулы работаете? - шутливо удивился Баулин и засмеялся. - Смотрите, наживете склероз!

Баулин жил в бывшей гостинице, в большой комнате, которая прежде была дорогим номером. Дверь комнаты выходила прямо в коридор. Жил он в ней с женой. Детей у них не было. Оба питались в столовой.

Кандидат исторических наук Юрий Борисович Баулин читал на кафедре III часть Истории народов СССР. И часто его лекции завершались бурными аплодисментами слушателей. Это происходило потому, что он блестяще читал лекции и был любимцем студентов. Коллеги говорили, что он умеет увлекательно подать любой материал, некоторые даже утверждали, что у Баулина выдающийся ум, но большинство научных работников при этом иронически улыбались.

Невысокий брюнет, с почти черными, немного уставшими, глазами, он, должно быть, в молодости имел успех у женщин. Да, таким и теперь можно было увлечься. Не соответствовал его одухотворенному и слегка надменному лицу только его рост, но это поправить было уже невозможно, хоть он и носил обувь с высокими каблучками.

Говорил он логично, образно, вдохновенно. Но всем было известно, что писать он не может. Когда он брался за перо - получалось серо и скучно. Пробовал диктовать стенографистке, но и из этого ничего не получилось. Его единственную книжечку по истории родного города даже жена не смогла дочитать до конца. (Студент третьего курса Воцанов написал на эту же тему куда интереснее. Брошюра разошлась в один день и о юноше говорили: "Он далеко пойдет.")

- Что скажете? - спросил Баулин несколько встревоженно.

Студент старался не замечать, что блестящий лектор предстал перед ним в войлочных домашних туфлях, старых брюках и растегнутой нижней рубашке.

- Что скажете? - повторил Баулин.

Воцанов рассказал ему о своем реферате "Ирбитская ярмарка".

Юрий Борисович положил его рукопись на стол и заговорил о развитии торговли в России в XX веке. В этой области он был большим специалистом - почти не глядя, он протягивал руку к этажерке с книгами, вытаскивал нужный том и мгновенно читал цитату.

Здесь же, по комнате, двигалась жена Юрия Борисовича. Иногда она вмешивалась в разговор, и тогда Баулин с опаской ждал, что она скажет. Он беспокоился, как бы она не сказала чего-нибудь лишнего. И опасения эти были не без основания. Она обратилась к Воцанову:

- С удовольствием прочла вашу книжечку. Прочла, как говорится, на одном дыхании.

- Есть замечания? - спросил студент.

- Нет, я не думала о них. Просто читала. И на эту же тему написал Юрий.

Она показала глазами на мужа.

- Вероятно, более научно, но невыносимо скучно.

Она еще в молодости привыкла говорить, что вздумается. Когда-то она была красивой девушкой и до сих пор сохранила уверенность, что ей никто не будет возражать. Особенно это проявлялось в разговоре с мужчинами. Потолстевшая и потускневшая, она держала себя как двадцать лет назад. Впрочем, красивыми у нее оставались глаза: темные, умные.

- Извините, я вас оставляю.

И скрылась за ширмой. Через некоторое время она появилась вновь в другом платье, с дамской сумочкой в руках.

- Всего! Я опаздываю.

Юрий Борисович положил ладонь на рукопись Воцанова:

- Это я прочту завтра. Вам не к спеху?

Но студенту не хотелось уходить. Он стал говорить о том, что у него болело - о недавно арестованном товарище.

- Честнейший человек. Мы учились в одной группе. Я его хорошо знал... Подумав, добавил: - Нет, это не ошибка. Кому-то нужно, чтобы все боялись... При Ленине карали только врагов, а теперь - всех подряд.

Юрий Борисович слушал студента внимательно. И вдруг перебил:

- Чаю хотите?

- Нет. Вы думаете иначе?

Баулин думал точно также, но не хотел об этом говорить. Он встал из-за стола, прошелся по паркету и спросил Воцанова:

- Сколько вам лет?

- Двадцать два.

- Я почти угадал.

Баулин ничего не угадывал, ему не было дела до возраста Воцанова, а спросил он только затем, чтобы не молчать.

Воцанов сидел, закусив губу, печальный и подавленный. Он понял, что Баулин не хочет поддерживать беседу. Вскоре он попрощался и ушел.

Баулин запер за ним дверь на ключ. Оставшись один, он стал листать телефонный справочник. Затем снял трубку и назвал номер. На том конце провода кто-то сказал:

- Слушаю.

- С кем я говорю? Соедините меня со следователем. Все равно, с каким... У меня дело. Я кандидат исторических наук.

Через некоторое время он рассказал кому-то, о чем говорил Воцанов.

- Где он? - спросили Баулина.

- Ушел. Видимо, в общежитие. Явиться к вам? Третий этаж, комната номер сорок девять? Хорошо. Сейчас буду.

Он положил трубку, потрогал ее, убедился, что она хорошо лежит, затем надел новый костюм, повязал галстук. Вернулся он через два часа. Долго стоял у окна и бессмысленно смотрел, как по улице идут прохожие. Покачал головой и сказал вслух:

- Эх, молодость, молодость...

После каникул первая лекция Баулина была третьему курсу. С высоты кафедры он хорошо видел лица студентов. Немного помедлил и произнес свою любимую фразу:

- Мы с вами выяснили...

Обычно он говорил легко и быстро увлекался этим говорением. Но сегодня ему что-то мешало. Место, где всегда сидел Воцанов, пустовало. Во время лекции Баулин старался не смотреть в ту сторону. Он говорил почти механически, а сам думал: "Теперь книга Воцанова будет изъята из библиотек, останется одна моя". Думать об этом было приятно.

Леонид ГАРТУНГ.

"ДЬЯВОЛИАДА" ГЕОРГИЯ БОРОДЯНСКОГО

"Уместно ли на исходе Светлой Пасхи поминать дьявола?" - подумает добропорядочный читатель. И будет поддержан легионом ортодоксов. Но не меркнет мудрость изречения древних: "Помни о смерти". Живи и помни о кончине, чтобы больше успеть. Живи и помни о темном, чтобы дорожить светом...

Темноты на просторах наших пока, увы, не убывает. Порой кажется, что наступает время торжества сатанинских сил. Не надо быть поэтом, чтобы почуять это, но грешно поэту, если он не просто рифмоплет, не чуять этого.

"Дьявол за руку тянет меня", - пишет Георгий Бородянский, но ведет читателя, через серный смрад и темень, к свету. Он верит, что дьявола победит Слово.

Всего год работал Жора Бородянский в Томске корреспондентом "молодежки", занимался в литературном объединении "Томь". Первую книжку выпустил уже в Омске, вернувшись к родным местам.

А недавно приезжал в Томск, к которому успел прикипеть душой. И оставил вот эту подборку.



Дьявол за руку тянет меня.
Я оглядываюсь на свет,
Утешаю себя: "Фигня,
Никакого дьявола нет".

А он тянет. А я иду,
По ступенькам
за ним на дно.
Ах, как сладко в его аду!
Пахнет розами нам говно.

С головой бы туда навек,
С визгом, хохотом!
Я не конченный человек,
Просто - с опытом...

Хруст переломленной ветки, звон
Льдинки раздавленной.

С верхних нот
В лужу слетевший петух. Закон
И Благодать, и высокий свод
Храма, где нам воздается свет
За усмирение всех страстей,
Драма, где дьявол идет вослед
Ангелу... Сколько еще частей
Этой комедии мне ломать?
Затвердевает древесный сок.
Утро.
Россия.
Пора снимать
Гипс с перетянутых вен и строк.

Флейтою крыс приручают, а дьявола - словом.
Я это знал и водил его на поводке.
Он, собиравший харчи по свинячьим столовым,
Райскою птичкою пел у меня в кулаке.

Тонко, возвышенно пел он слепую струною.
Крысы, на цыпочки встав, удалялись навек.
И засыпал я, счастливый, с законной женою,
Все же не конченный, все же еще человек.



ЭКСКЛИБРИСЫ
Анатолия Мосийчука

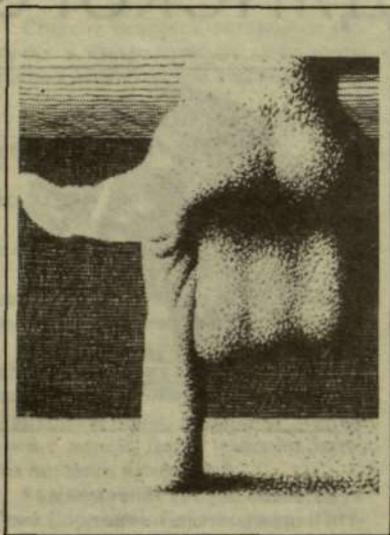
Но где же та она,
Которая спасет,
Которая со дна
Возьмет и унесет
Мой неостывший прах
На ангельском крыле,
И я забуду страх
Остаться на земле.
Остаться на земле
И в небе не летать,
И угольком в золе
Остаток коротать.
И я забуду страх
Уйти под землю, в ад,
Где только пыль и прах,
Где только мрак и смрад.

И я забуду страх.
И я увижу свет.
И это будет крах
Того, кто столько лет,
Обвив меня хвостом,
Водил вокруг судьбы.
И я забуду стон
Моей пустой мольбы.
И я войду в тот сад,
Где слово - райский плод.
И этот мед и яд,
И этот яд и мед
Я буду пить до дна,
Пока уйду на дно...
Но где же та она?
А, может, то она?

В бюро инвентаризации Духа
Голые стены, скрип половиц.
Стучит костяшками ангел, сухо
Взирая на ряд проходящих лиц.
А дьявол потное чешет брюхо.
А между ними сидит старуха,
Листики библейских передовиц
Перебирая.
И к ней за справкой
Стоят заблудшие всех веков.
И каждый ждет со своей удавкой
Ее решенья.
Дураков
На свете много.
И смотрит строго
Седеая вечность из-под очков.
Так просто все. И целебней слова
Пока еще не нашлось травы.
Сурова вечность. И жизнь сурова.
И пепел сыплется с головы,
Не иссякая... И нет расчета,
Пока не скрепит печать уста,
Когда зачтутся ни кровь, ни рвота,
А только слово - в мои счета.

Александр Рубан

МЫСЛИ БЕЗ ПОВОДА



Как доказать убежденному солипсисту, что "стол" есть не только идея стола, но и нечто реальное? Правильно: Мордой об стол! Оппонент не согласен? Повторим об что-нибудь с гвоздями. И так - до тех пор, пока одним солипсистом не станет меньше.

Это азы. "Гвоздь в сапоге у Маяковского - кошмарней, чем фантазия у Гете", - помните? Мы это проходили и вызубрили. Называется диамат.

Лекции и семинары остались в прошлом, экзамены сданы и забыты, синий эмалевый ромбик с желтым гербом почившего государства нашел пристанище на дне шкатулки с бижутерией. А окружившая меня объективная реальность без устали доказывает мне все то же - и все тем же вышеописанным методом. Весомо, грубо, зримо, с примитивной настойчивостью втыкает в меня свои гвозди и гвоздики: локти ближних в обыденной очереди за хлебом, государственную границу со всеми ее причудами, возникшую вдруг между мной и мамой, астрономические цены на все товары от первой до семнадцатой необходимости.

... Был такой литературный герой - Рахметов. Очень слабохарактерный человек. Идя на поводу у объективной реальности, он улегся на доску с гвоздями, которые сам же в нее понавбивал. Испортил хорошую вещь, а что доказал? Что человек - животное терпеливое?.. Говорят, лиса попавшая лапой в капкан, отгрызает лапу. Безмысленная Божья тварь! Ей не

**ПОВОД: 2. Ремень узды, к-ым правят лошадей.
С.И.Ожегов. Словарь русского языка.**

вдомек, что свобода - это осознанная необходимость рабства. До этого только человек способен додуматься - и, додумавшись, гордо полагать себя материалистом, преобразователем природы (в том числе и своей собственной) и чем-то там еще. И спать на гвоздях, готова себя к результатам грядущих свершений.

Фантастика?

Нет.

Фантастика - человечнее, даже если это вампирные "жутики" на фоне послеплатонной пустыни. Не потому че-

вые и ольхи - в березу.

Научная фантастика в национальной политике - это "Союз нерушимый республик свободных". (Н е р у ш и м ы й союз с в о б о д н ы х - каково-с?)

Научная фантастика в экономике - это "регулируемый рынок". (Рынок - регулятор экономики. А что такое "регулируемый регулятор"? Попробуйте попридержать пальцем клапан парового котла - что получится?)

Научная фантастика в литературе - это... Но здесь пришлось бы перейти на личности, а я не хочу. Поскольку многих из этих личностей уважаю - за ту фантастику, к которой слово "научная" пристегнуто просто по привычке. Или по редакторскому недомыслию.

Тут бы самое место для тезиса о положительной роли грез в техническом и социальном прогрессе. О том, что свободное воображение фантаста призвано-де помогать человеку в осознании своего места и роли в механизме Вселенной... Увы, я уже высказал нечто прямо противоположное и намерен придерживаться.

Воображение, будучи призванным к чему бы то ни было, перестает быть свободным и перестает быть. Хороший конструктор или хороший политик могут оказаться неплохими фантастами - если вдруг заскучают за кульманом и на трибуне, и захотят поразвлечься. Но хороший фантаст может стать только плохим конструктором или плохим политиком.

Конечно, за исключением попадания. Излохматив сотнями выстрелов "молоко" мишени, любой дилетант однажды всадит пулю в десятку. И тем скорее, чем меньше будет стараться, дабы не мешать закону больших чисел.

У научных фантастов это называется предвидением.

Так, Сирано де Бержерак "предвидел" использование ракет для межпланетных путешествий. В "молоке" же оказались такие средства передвижения, как: пузырьки с предрассветной росой, упряжка с орлами и магнит, методично подбрасываемый вверх и притягивающий платформу с путешественником.

Абсолютно не исключено, что абиссальные станции в недалеком бу-

Мнения

ловечнее, что в ней все хорошо кончается (бывает, что и плохо), а потому, что в ней не спутаешь свободу с осознанной необходимостью. Воображение либо свободно, либо мертво.

Стоило нам осознать необходимость развитого социализма - и кампанелловский Город Солнца умер для нас. "Сидел в тюрьме и выдумал тюрьму!" - повторяли мы чью-то унылую мудрость, оголтело круша социально-опасный мираж. Несбыточную грезу изувеченного пытками мечтателя долбали законами объективной реальности. И раздолбали. Пляшем на руинах.

Но несбыточная греза Кампанеллы - это нечто более вечное, чем воплощенный замысел РСДРП. Когда наш семидесятилетний эксперимент померкнет в памяти поколений - Город Солнца восстанет из праха. Не как руководство к действию (избави их Бог, наших потомков!), а как мечта. Несбыточная. Она еще много таких экспериментов переживет, умирая и вновь возрождаясь.

Потому, что она несовместна с объективной реальностью.

Потому, что (внимание: сейчас будет ересь!) любой фантастике, и коммунизму в том числе, противопоказано быть научной. Притворяться - почему бы и нет, но всерьез полагать себя таковой - смертельно. И для фантастики, и для науки.

Научная фантастика в биологии - это "перевоспитание" озимых в яро-

дущем будут выглядеть именно так, как их описывал Павлов. Или Азимов. Или кто-то третий, не читанный мною, попал в "десятку". Только не надо всерьез, до хмурости, целиться в эту мишень: яблочко, может быть, и заденешь, но главное - главное исчезнет наверняка.

Главным же я полагаю не принцип работы фотонных движителей, не детали интерьера капитанской рубки и даже не аллегоризированные гвозди и гвоздики объективной реальности, данной нам в ощущениях. Оно не материально. Оно не мозолит нам пятки и не кровавит спины, не кормит нас, не греет и не лечит - но в сытости мы без него мертвы, а в беде бессильны. Лишь удаляясь вымыслом от подробностей быта, мы приближаемся к своему существу: к мечте и надежде, к страхам, отчаянию, вере, к стыду и гордыне.

Фантастика - это несбыточные мечты, беспочвенные страхи, безумные надежды. Это реальнее, чем реальность.

Пусть коммунизм останется мечтой. В реальности он обернется "Котлованом" и перестанет быть.

Да здравствуют сатанизм, вурдалачество и прочее мировое зло - в кошмарах и на страницах книг. Всерьез обороняясь от масонов, мы лишь создадим свою разновидность фашизма.

Побольше альтернативной истории - событий, которых не было и никогда не будет. Но - интересных и таких, чтоб взгрустнуть: "все не так!" Или, наоборот, порадоваться: "пронесли!"

Пусть фантастические миры будут невероятны и ненаучны. Героям, а не нам - стрелять из бластеров, уходить в подпространство, экономить кислород в гермошлемах. А нам - вместе с героями - любить, ненавидеть, отчаиваться, надеяться на чудо, мстить за предательство и прозревать.

Объективная реальность изменчива, зыбка и преходяща.

Субъективная сущность неизменно - по крайней мере, со времен Экклезиаста.

Алые стяги - и те, что с серпом и молотом, и те, что со свастикой в белом круге, - вылиняли и слиняли. Они были слишком материальны, чтобы долго жить. Но белое тонкое полотно, которое днем ткала, а ночью выпускала Пенелопа, существует уже третье тысячелетие. Потому что оно - всего лишь выдумка. Потому что его никогда не было. Потому что и не полотно это вовсе, а символ супружеской верности.

Ну, а мордой об стол - нужно очоно стараться, чтоб исчез хоть один солипсизм.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДЕБЮТ

Начинающим стихотворцем Виктора Кулагина называть как-то неловко. Просто Виктором - тоже. Человек с богатым жизненным опытом, крупный хозяйственник. Виктор Григорьевич.

Есть большое дело, крепкая семья, взрослые дети, внуки. Чего, казалось бы, еще желать? А душа просит поэзии, по ночам не дают покоя строки, "и мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы легкие навстречу им бегут, и пальцы просятся к перу, перо к бумаге, минута - и стихи свободно потекут".

Нет, полной свободы творчества пока не было. Стихи он пишет больше для себя, иногда друзьям показывает. Однажды три стихотворения опубликовали "Сибирские Афины". И подборка эта была отмечена известным питерским поэтом Ильей Фоянковым: стихи еще неумелы, но полная распахнутость искупает многое...

Виктор КУЛАГИН

О СТИХАХ

Кто меня поймет как человека, -
Что мужик крестьянский, от сохи,
Отмотавший более полвека,
Стал писать интимные стихи.
Мысли - как негаснущие зори...
Свилась радость из десятка слов...
Не страшно теперь любое горе,
Я сильней безжалостных оков!..

МЫ С ТОБОЙ НЕ ВИНОВАТЫ

Мне все страшнее боль утраты
Минувших, безвозвратных лет.
Нет, мы с тобой не виноваты,
Что поздно встретились. Нет, нет!
Ты только знай - не отшумела
В душе моей любви гора,
Хоть жизнь моя на рифы села,
Хоть все грустнее вечера,
Хоть все стремительней закаты
Моих последних шумных лет...
Нет, мы с тобой не виноваты,
Что поздно встретились. Нет, нет!..

И ВНОВЬ В ДУШЕ ЛЮБВИ ОГОНЬ

В один из вечеров дождливых,
Когда меня съедала грусть,
Цыган я встретил говорливых,
Гадавших судьбы наизусть.
Над табором, в напеве тонком,
Нить жизнелюбия вилась,
В веселье бесшабашном, звонком
Шальная музыка лилась
Блестящая сказочным нарядом,
От арб, стоящих в стороне,
С лукавым и веселым взглядом
Цыганка подошла ко мне.
Гадалка тихо пальцем водит
Там, где в излучинах ладонь,
Слова сердечные находит,
И вновь в душе любви огонь!..
Ведь в предсказаньях - наши встречи,
Я к ним стремлюсь через года.
Цыганки пламенные речи
Соединят нас навсегда.

ТИШИНА

Неба синего звездные очи
Озаряются бледной луной.
Молчаливая тайна ночи,
Околдован твоей тишиной.
При луне так причудливы тени,
Затаилась в них жгучая жуть.
Под кустом задремавшей сирени
Так и хочется к милой прильнуть.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Царица сердца моего,
Подруга тайны нашей вечной,
Бери меня, бери всего -
В той страсти дивной, бесконечной...
Надежда счастья моего,
Улада чувств замороженных,
Люби меня, лишь одного
Из всех, в тебя давно влюбленных!



ПЕРЕПОЛОХ

(Из цикла "Антимонии деда Антипа")

Намедни я в газете вычитал - народ в городе стал на фатерах диких животных содержать. Это какую же нервенность надо иметь? Особливо бабам... Ну, кота мы с Апросиньей, к примеру, тоже имеем, так котам испокон веку с людьми положено. Или там собачонку для охоты и охраны собственности завести. А тут ведь коты хищников заимели. Жрать-то им сколь надо... Картошку-то, поди, хищники не едят.

Этось заяц у меня по нечаянности обитался, и то сколь изьяну. Тоже, слышь, случай чудной. За деревней мелиораторы по полю трубы для полива капусты проводили. Ну, как у них завсе заведено, канав понарили и оставили в зиму. А тут я в аккурат за дровами по мелкому снегу поехал. Слышу - в яме возле дороги верещит. Гляжу - косою. Оборвался в канаву, а выскочить не может. Дай-ка, думаю, словлю его ребятишкам в школу, там у них злоуголок имеется, пушай дикого зайца изучают. Полез в окоп этот, а зайчишка пуце верещит, да еще царапается агрессивно. Орет, вроде как человечим, али, вернее сказать, бабьим голосом. Куль с собой был, засунул в него - сиди, не ерпенься, другой бы тебя мигом на шапку прибрал...

В избу занес, Апросинья нет. Ладно, мол, пушай покамест зайчонок разомнется, по избе побегат. Выпустил из мешка, он и начал фортеля выкидывать - горшок с цветком уронил, занавеску сдернул. Хотел изловить, а он под печь стреканул. Лаз для кота там налажен, умырнул в подпол, нечиста сила. Чую - внизу загремело. Кот Васька из подпола сиганул - глаза, как плошки... На кровать запрыгнул, хвост трубой... Понять можно - зайцев сроду не видывал. Тут Апросинья заявляется - че, мол, за кабардак в избе? Не стану, думаю, пояснять, лучше от греха подальше. Кот, говорю, разыгрался, не знаю, че с ним... Рукавички взял, дровишки пошел складывать, а Апросинья на тот случай в подпол за

картошкой понадобилось. Воротился - старуха на полу расшаршилась, глаза навывлупку...

- Черт, - маячит мне, - у нас в подполе завелся. Зубатый, хвостатый...

- Заяц это, - содержательно ей поясняю. - Обнокновенный заяц с лесу. Откель у его хвост?

Так она заместо того, чтобы в спокойствие прийти, беспердонно страмитесь начала.

Оно и знамо, такой гость ни к чему. Полез его изловить, двухлитровую банку со смородишным вареньем уронил, да трехлитровую с огурцами.

пять и отдушину открыть, так ведь картовенка померзнет. Додумался - повесил возле закрома сеть старенькую и сторожок настрожил - заденет заяц, его сетенкой и накроет, тут уж от меня никуда не денешься.

Апросинья в город к племянникам на два дни уехала нервенность успокоить, а я утречком в магазин за куревом подался. Тоже на табачок потянуло. Ворочаюсь - уже с улицы слышать - верещит. Шибко верещит, по-бабьи... Ну, язви те, попался ушастый... В избу захожу - западня у подпола открытая и че-то оттель лезет белое. Страсть барабинская, напужаться можно до утрадания.

А это Валька, племянница. Хахаль из городских шоферов к ней заехал. А у ей, непутевой, как водится, никакого запаса. Прибегла к нам за огурцами. В подпол сунулась, ее сетенкой-то и накрыло. А тут этот, черт длинноухий. Ко мне то малость привыл, а бабы напужался. И начал по закромам скакать. Ну, Валька, знамо, и заверещала. Обратно кинулась, а на ступеньке ведро с известкой стояло... Опрокинула на себя. Покамест в чувство приходила да отмывалась, хахаль-то ее уехал.

Ну, чую, после этого Апросинья мне последний ультимат объявит. Завалинку раскопал, тряпки из отдушину вытащил. Наутро гляжу - след по огороду - убег. Картовенку-то, знамо, у стены морозом прихватило.

С зайцем сосуществовать шибко неудобственно, как же это городские ди-

кую тварь содержат? От большой учености, либо мода така? Поди, сколь блох, да и запах не ароматный? А вчера по телевизору казали, кандидат какой-то научный, дома удава-пинтона вырастил, положит подколодного себе на плечо и в кресле книжку читат. Не, парень, ежели тебе рядом живность нужна, ты натуральную скотину заведи, зачем же при наших недостатках еще и змей плодить?

Рис. М. ШУГАЯ.



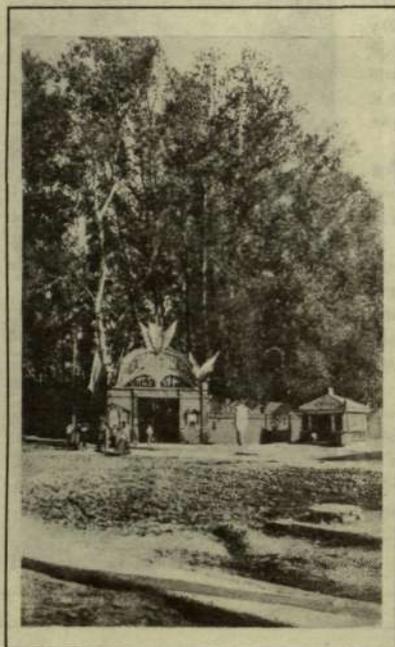
Апросинья блажит:

- Вылазь, покамест все запасы не перебил!

Пришлось с зайцем сосуществовать. За картошкой или еще за чем в подпол самому надо лезти, кот в избе гадить начал. А косою нор понаделал, картошку землей закидал, морковенку, какая в закроме припасена, погрыз. А ежели, думаю, эта животная женского полу, да наплодит приплоду...

Оно бы можно завалинку раско-

БЫЛО ВРЕМЯ...



Юмористический отдел журнала мы назвали "Буффсад" не случайно. "Буфф" в переводе, например, с французского, означает шутовской, комический. Значит, у нас шутовской сад.

Не случайно еще и потому, что в истории города сад Буфф почти всегда занимал место, соответствующее его названию. Всегда в центре внимания, в центре скандала.

Долгое время сад принадлежал известному томскому предпринимателю и домовладельцу В.Л.Морозову. Расположенный в центре города сад был любимым местом отдыха многих томичей. Условия для этого были предоставлены в большом ассортименте: бильярд, кегельбан, тир, буфеты, открытая сцена, летний сад, ресторан. Весь вечер "... играет смешанный духовой оркестр в составе 9 дам и 7 мужчин под руководством Пешкевича!" - объявляла красочная афиша.

Открывался для посетителей сад обычно в мае и работал до поздней осени. Все значительные и не очень события из жизни сада попадали на страницы газет. Одна из них в мае 1915 года сообщала:

- Сад "Буфф" чистится!
- Сад "Буфф" исправляется!
- Сад "Буфф" красится!

В саду "Буфф" оживленная работа с самого утра и до позднего вечера.

Землекопы, плотники, печники, маляры и пр. и пр. рабочая сила копошатся, как мураши около муравейника!.. Важно расхаживает "господин хозяин", наводя везде порядки.

Еще несколько дней, и сад "Буфф" откроется на услаждение некоторых и на горе многих. Мужчины получат прекрасные рога от своих милых жен, а некоторые жены будут снабжены прекрасными рожками в их прическу "a la serna"! Каждому воздастся по делам...

Вот такой намек на нравы "Буфф" сада. На сценических площадках сада выступали знаменитые в Томске и в России куплетисты, имитатор типов Максима Горького г.Алещенко, различные опереточные труппы. В 1908 году разразился скандал: в театре "Фарс" - так назывался в то время летний театр сада, готовилась к постановке пьеса "Рай Магомета". Томское мусульманское общество возмутилось и направило в Министерство Внутренних Дел письмо-жалобу: "... одно название пьесы оскорбляет наши религиозные чувства, не говоря о том, что не допустимо на балаганных подмостках ставить пьеску с упоминанием имени нашего великого пророка".

Естественно, последовал министерский запрет на постановку спектакля.

Чего только не придумывал владелец сада для привлечения публики. В июле 1908 года в городе появились афиши, приглашающие на интереснейшую "русско-швейцарскую борьбу г.Бутенко" (профессионального борца) с женщиной, фамилия которой не

указывалась. Оповещалось, что женщина согласна бороться при условии, что господин Бутенко победит ее брата. Встреча состоялась. Бутенко победил менее, чем за три минуты брата отважной женщины, а вот состоялась ли объявленная встреча, газеты умолчали.

И все-таки главная тема газетных публикации: "Услаждение некоторых и горе многих". Источники их - многочисленные жалобы на хозяина сада жителей окрестных улиц: Торговой, Гоголевской, Александровской и Ярыковской. Ночные увеселения сильно мешали жизненному спокойствию обывателей. Им было не до шуток.

Сад "Буфф" жил и процветал многие годы. Печальна его послереволюционная судьба. Последняя попытка реанимировать, возродить популярное место отдыха была сделана в пятидесятые годы. Сад переименовали, но имя великого поэта не помогло возрождению. Теперь бывший сад "Буфф" - забытый зеленый уголок нашего старинного города, а его шутовские традиции, быть может, сохранит журнал "Томская старина".

Александр КАЗАЧКОВ.



Некотрые любезные читатели наши настойчиво интересуются, когда же появится на страницах "Томской старины" обещанный еще в первом номере материал краеведа В.П.Домаевского. Считаем своим долгом сообщить, что ряд событий и объективных причин помешали нашему потенциальному автору порадовать редколлегию и читателей этой долгожданной публикацией. Недавно он выдавал свою старшую дочь замуж, а свадьба, как водится, долго пела и плясала, а когда свадьбу эту крылья унесли, Владимир Павлович совершил поездку за границу, ежели к таковой можно отнести Украину. Из столицы сопредельного государства Владимир Павлович вернулся с двумя чемоданами библиофильских материалов, имеющих отношение к Томску. Мы горячо надеемся, что право первой публикации наш славный земляк предоставит "Томской старине".

Недавно Владимир Павлович появился у нас в редакции с объемистой авоськой в руке (как известно, истинные краеведы не признают портфелей, дипломатов и прочих кейсов) и, можно сказать, с порога дал нам ряд ценнейших консультаций, советов и обещаний.

Вот, к примеру, в третьем номере мы публиковали стихотворение "Доносец" (перепечатка из "Сибирской жизни" за 1908 год), автор которого скрылся под псевдонимом "Дедушка Фаддей". Поинтересовались мы у Владимира Павловича, не знает ли он этого самого дедушку. Наш общий друг, товарищ и собрат неспешно раскурил самокрутку, пошелестел бумагами в авоське, а потом раскрыл нам тайну этого псевдонима. Но об этом - в следующем номере.

Узнав, что в тяжкий период либерализации цен редакция "Томской старины" испытывает большие финансовые затруднения: нет денег на бумагу, на типографские расходы, нечем выплачивать гонорары авторам, Владимир Павлович пожертвовал в пользу журнала три украинских купона - карбованца. Отмечая сей великодушный жест и неоценимый вклад жертвователя в развитие томского краеведения, редколлегия журнала решила установить в редакции скульптурный портрет В.П.Домаевского, который заказан местному скульптору Леонтию Усову.



Михаил ОРЛОВ ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ДИПТИХ

1.
Нет. Нет. Нет. Нет.
Нет! Нет! Нет! Нет!
Нет... Нет... Нет... Нет...
Нет-нет, нет-нет...



2.
Не унывай, приятель,
Ты читал это две минуты,
а мне девушка говорила
два года!

Приехал на периферию редактор Вилев,
Достаточно жизнью истаскан,
В вельвете цвета детской неожиданности,
Он сорил вокруг себя столичными мыслями:
- Судьба! В каждом поэте,
В каждом стихике должна быть судьба!..

Ах, товарищ Вилев!
Ну какая на периферии судьба?
Так себе, судьбишка неказистая...
Ты ее в стихок, сопя, запиливаешь,
А она оттедова вываливается.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД "Томском связанные судьбы", помещенный в номере 2 нашего журнала.

1. Бурлюк. 2. Короленко. 3. Макушин. 4. Анохин. 5. Голубин. 6. Батеньков. 7. Тронов. 8. Пируский. 9. Никитенко. 10. Маломет. 11. Синегуб. 12. Радищев. 13. Данилин. 14. Курицын. 15. "Лес." 16. Пеньков. 17. Тон. 18. Желябо. 19. Королев. 20. Гезехус. 21. Невежин. 22. Скобцов. 23. Калабухов. 24. Лыткин. 25. Хахлов. 26. Бакунин. 27. Мизеров.

Наиболее правильные ответы (неверно указаны 3 фамилии) прислала наша читательница Кельдюшева Г.В.

БЫЛ БЫ РАД...

В марте в Доме Ученых проходила выставка картин Николая Лисицына "Мы бродим по садам". Мне знакомы его стихи, тем приятнее было узнать и открыть для себя живописные работы Николая. На выставке представлено 20 картин. Оценивать их - дело искусствоведа. Меня, как зрителя, привлекли краски: пронзительно-розовые, ярко-зеленые, сиреневые...

Я помню короткое стихотворение Николая:

- Твой номер на диске - как горсть таблеток от одиночества.

В картине "Одиночество" этот образ дополнен рядом деталей. Стоя перед картиной, я неожиданно поймал себя на мысли, что был бы рад поддержать в руках книгу Лисицына, в которой могло бы найтись место и стихам, и прозе, и репродукциям (желательно цветным) этого, безусловно, талантливого человека.

Николай ХОНИЧЕВ.

Выпуск подготовили:

СОРЕДАКТОРЫ — Владимир Суздальский,
Александр Казачков, Александр Казанцев.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ — Галина Венделева
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР — Владимир Марьин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Станислав Вавилов
Надежда Дмитренко
Вениамин Коныхалов
Борис Климычев
Александр Матушевский
Эдуард Майданюк
Валерий Сердюк
Леонтий Усов





ПОРТРЕТ Г. С. БАТЕНЬКОВА. Художник Николай Белянов.
Из собрания Томского художественного музея.



Образ

НАШ АДРЕС: 634032, г.Томск,
проспект Ленина, 111, тел. 22-52-52.

Печать офсетная. Тираж 4000. Заказ N 4130
Типография издательства "Красное знамя",
г. Томск.